

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

2017 ТОМ 9 № 3

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии <i>С.А. Воронин</i> , д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования	Заместитель главного редактора <i>Е.А. Попова</i> , канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН	Ответственный секретарь серии <i>А.А. Куделин</i> , канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории РУДН
--	---	--

Члены редколлегии

Абтахи Бехруз, профессор университета имени шахида Бехешти (Иран), директор Научного представительства Ирана в России и странах Средней Азии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, профессор Каирского университета

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философии, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Родригес-Фернандес А.М., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Востока и Запада МПГУ

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Терзич С., профессор института истории Сербской Академии наук и искусств, посол Сербии в РФ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института Востоковедения РАН

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2312-8127 (Print) ISSN: 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология.

Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, восток-запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история востока и запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Всеобщая история»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Подписано в печать 10.09.2017. Выход в свет 20.09.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 822. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2017 VOLUME 9 NUMBER 3

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre

Deputy Editor

E. Popova, Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Executive Secretary

A. Kudelin, Ph.D. in History, Assistant Professor of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Members of Editorial Board

Abtahi Behruz, Ph.D. in Science, Professor Shaheed Beheshti University (Iran), director of the Scientific Mission of Iran in Russia and Central Asia

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Rodriguez-Fernandes A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of the modern and contemporary history of the Moscow State Pedagogical university

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Terzich S., Ph.D. in History, Professor of the Institute of History of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia's Ambassador to the Russian Federation

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (online); 2312-833X (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU),
Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

Rudn Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on World history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

Rudn Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The Journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from Ancient Times to Modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical science and Archeology.

Specialties: 07.00.03 World history (Relevant period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source study, Methods of historical research, 07.00.15 History of international relations and foreign policy.

General Journal Sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies etc. In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

Ordzhonikidze St., 3, Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

Miklukho-Makhlaya St., 10/2, Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

- Смертин Ю.Г.** Пхунсу: корейское искусство гармоничной жизни 205

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА

- Мамлук Ф. М. М.** Основные направления внешней политики Ливии (1990–2010 гг.) 215
- Акарашов И.С.** Россия – Индия: необходимо повышать уровень доверия 222
- Пеич И.** Идеологические предпосылки формирования и развития сербско-русских отношений 234
- Веселова И.Ю.** Вклад Франсиско Хавьера Клавихеро в формирование креольского патриотизма Новой Испании 241
- Арутюнов А.А.** Советские институциональные структуры и их роль в процессе адаптации испанских эмигрантов в СССР 252

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Антошин А.В.** Миграционная политика современной России в американской исследовательской литературе (на материалах публикаций Института Кеннана) 259
- Бурков С.Б., Гадальраб С. М-А.** Амулеты из «египетского» фаянса с территории Ростовской области в печатных изданиях конца XIX – начала XXI в. 272

РЕЦЕНЗИЯ

- Борзова А.Ю.** Рецензия на книгу: История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. М.: «Индрик», 2014. 872 с., ил. 289

CONTENTS

HISTORY OF CULTURE

- Smertin Y.G.** P’unsu: Korean art of harmonious living 205

POLITICAL HISTORY OF THE EAST AND THE WEST

- Mamlouk F. M. M.** The main directions of Libyan foreign policy (1990–2010) 215
- Akarashov I.S.** Russia – India: the level of credibility needs to be increased 222
- Pejic I.** Ideological conditions for formation and development of Serbian-Russian relations 234
- Veselova I.Yu.** Clavijero’s contribution to the formation of the creoles’ patriotism of New Spain 241
- Arutiunov A.A.** The Soviet institutional structures and their role in the Spanish emigrants adaptation process 252

HISTORIOGRAPHICAL STUDY

- Antoshin A.V.** Migration policy of contemporary Russia in American scholarship (on the base of materials of Kennan Institute publications) 259
- Burkov S.B., Gadairab S. M-A.** Amulets of the “Egyptian” faience from the territory of Rostov region in the publication of late XIX – early XXI c. 272

REVIEW

- Borzova A.U.** Review: History of Spain. Volume 2. From the war for the Spanish inheritance to the beginning of the XXI century / Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. M.: “Indrik”, 2014. 872 p., ill. 289

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-205-214

ПХУНСУ: КОРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО ГАРМОНИЧНОЙ ЖИЗНИ

Ю.Г. Смертин

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350000

В статье исследуется малоизученный в отечественной науке феномен пхунсу – натурфилософской теории и практики, с древности применяющейся корейцами при определении благоприятных мест для поселения и захоронения родственников. На основании средневековых источников и современной литературы анализируются связь пхунсу с китайским фэншуй, основные теоретические постулаты и практическое применение ради обретения здоровой и счастливой жизни. Пхунсу играла важную роль в политической жизни средневековой Кореи, поэтому в статье выявлены ее социальные функции. Делается вывод о том, что эта древняя протонаука помогала корейцам жить в гармонии с природой, она стала важной частью корейской картины мира и востребована в современной Корее. Чтобы понять корейскую культуру во всем ее многообразии, необходимо учитывать в ней роль пхунсу.

Ключевые слова: пхунсу, фэншуй, ци, ки, инь, ян, хэль, ландшафт, столица

Введение. Наблюдательный иностранец, путешествующий по Корее, может заметить, что большинство традиционных деревень имеет типичное расположение. Они строились у подножья горы, на южном ее склоне. К югу от селения находится река, озеро или искусственный водоем. С запада и востока дома укрывают невысокие горы. В горах, и тоже на южных склонах, устроены небольшие родовые захоронения. Кладбища западного типа, с рядами могил, появились в Корее недавно и их немного. Корейцы по-прежнему предпочитают хоронить своих родственников традиционным способом, даже если поездка к их могилам занимает много часов.

Искусство выбора благоприятных местоположений для поселений и захоронений в странах Восточной Азии возникло в глубокой древности. Люди селились там, где климат был теплым, места сухими, но с источниками воды поблизости, защищенными от нападений диких животных. Это умение возникло в ответ на естественные потребности и не имело под собой теоретической основы до конца III в. до н.э., когда в Китае основой философии стала теория *инь-ян* [1. Р. 37]. Учение о неразрывной связи судьбы человека и при-

роды получило название *дили* («земные принципы») или *фэншуй* («вода–ветер»).

Фэншуй – это система предсказаний, основанных на исследовании особенностей конкретного ландшафта. Для космологической системы восточно-азиатских стран характерно считать землю такой же важной категорией, как и небо. Каждое место на земле, согласно фэншуй, имеет специфические свойства, которые определяются влиянием природной энергии, или жизненной силы *ци*, пронизывающей землю. Земля воспринимается как живое существо; так же как человеческое тело имеет кровеносные сосуды, несущие питательные вещества и кислород к его различным частям, так и земля имеет аналогичную сеть каналов, по которым распространяется *ци*. Горы и направления рек, будучи результатом формирующего влияния воздушных и водных потоков, влияют на проявления *ци*. Поэтому место для города, поселения, дома, могилы должны быть определены с учетом максимального проявления благоприятного *ци* [2. С. 267–268].

Видимо, в эпоху Троецарствия (221–265 гг.) возникает уже целостная мировоззренческая система, что было связано с деятельностью знаменитого предсказателя Гуань Лу (209–256 гг.). Приписываемый ему трактат «*Гуаньши дили чжимэн*» («Элементарный указатель земных принципов господина Гуаня») оказал большое влияние на развитие учения фэншуй [3. Р. 57–74]. В IV в. литератор и ученый Го Пу (276–324 гг.) опубликовал труд «*Цзаншу*» («Книга захоронений»), в котором речь шла в основном о *ци*, ее конкретных проявлениях в связи с ландшафтом, поиске подходящих мест не столько для мертвых, сколько для живых людей. Этот трактат стал наиболее авторитетным в Китае, а его автор считается в «отцом фэншуй» [4. Р. 13]. В III в. н.э. оформлявшийся в качестве единой религии даосизм подвел философский фундамент под идею мистической связи человека и природы.

Методы и материалы. Оригинальные источники для изучения корейского пхунсу крайне малочисленны и фрагментарны. В Корее не существовало специальных трактатов с философским обоснованием выбора благоприятных мест для сооружения домов и могил. Экспертами пхунсу стали монахи многочисленных буддийских монастырей, которые руководствовались китайскими книгами по фэншуй, самой популярной в Корее была «*Цзаншу*» Го Пу [5]. Она является основным источником для данной темы. Другие авторитетные памятники фэншуй, использовавшиеся в статье, не сохранились в полных объемах и использовались в отрывках, содержащихся в научных трудах зарубежных ученых. Отдельные сведения о социальной роли пхунсу содержатся в «*Корё са*» («История Корё»), фрагменты которой цитируются в переводах на европейские языки. Значительный объем информации был почерпнут из работ корейских исследователей, изучающих данную проблему «изнутри», к тому же для них пхунсу – это не давнее прошлое, а в значительной степени образ жизни. Для данного исследования важным был метод наблюдения, применявшийся автором во время научной стажировки в Южной Корее.

Исследование проблемы. В Корею сведения об учении фэншуй (кор. *пхунсу*) попали в период Трех королевств (I в. до н.э. – VII в. н.э.) вместе с китайскими религиями и другими феноменами культуры, которые корейцы с энтузиазмом и деловито осваивали и приспособляли для создания собственной государственности.

Основателем корейского пхунсу считается монах Тосон (817–898 гг.), в течение семи лет изучавший буддизм и фэншуй в Китае. На родине он стал адаптировать китайское учение и практики к корейскому ландшафту и местным культурным традициям. Тосон пользовался покровительством последних королей государства Объединенная Силла (668–936 гг.) и определял подходящие места для строительства монастырей и храмов. Он учил, что строительство буддийских храмов и каменных пагод улучшает позитивную энергию или нейтрализует негативную энергию конкретного места, а также способствует безопасности и процветанию государства.

В течение следующих веков китайский фэншуй был превращен в корейскую теорию пхунсу, которая стала синтезом даосизма, буддизма, конфуцианства, местного шаманизма, традиционных обычаев и корейского восприятия мира [6. Р. 179–181, 201–203]. Поэтому пхунсу не равнозначно фэншуй.

В основе пхунсу лежат натурфилософская теория *инь-ян* (кор. *ым-ян*) и Пяти элементов. *Ым* – это сила, олицетворяющая землю, женское начало, мягкость, пассивность, влажность, холод и т.п.; *Ян* – небо, мужественность, твердость, активность, сухость, тепло и др. Оппозиция *ым-ян* порождает в своем вечном противоборстве-взаимодополнении весь феноменальный мир. Каждый член пары осмысливается только в связи с другим членом. *Ым* и *ян* содержатся в разной пропорции во всех вещах, непрерывно взаимодействуя и вызывая циклические изменения: смену теплого и холодного сезонов, ночи и дня, солнца и луны и т.д. Таким образом, аспекты *ым* и *ян* представляются универсальными источниками всякого созидательного процесса, появления чего-то нового.

Другая китайская идея, формировавшая пхунсу, – это теория Пяти элементов (кит. *ухан*, кор. *охэн*). Элементы (или первоэлементы) представляют собой космогонические стихии, или активные сущности; это – земля, дерево, металл, огонь и вода. Они возникли в начале Вселенной, в момент отделения неба от земли. Легендарный Желтый император (Хуанди) установил кругооборот и превращение Пяти элементов так, чтобы каждый из них занял положенное ему место.

Последовательность взаимодействия этих сил крайне важна. Дерево рождает или поддерживает огонь, огонь производит землю (пепел), земля порождает металл, металл – воду (роса, осаждающаяся на металлическом зеркале), вода рождает дерево (вызывает его рост). Таким образом, цикл завершается. Эти действия в правильном порядке называются *сансэн*, что означает в данном случае, что все обстоятельства и ситуации развиваются должным образом, происходит созидательный процесс. Но элементы могут и уничтожать

друг друга: вода тушит огонь, огонь плавит металл, металл рубит дерево, дерево проникает в землю (корнями деревьев или сохой), земля поглощает воду и задерживает ее течение плотинами [7. С. 125–126]. Эти процессы называются *сангык*, т.е. все обстоятельства и ситуации развиваются в деструктивном плане.

Большое значение в пхунсу уделяется форме горных цепей, которые ассоциируются с драконами. Китай находится в центре (середине) мира, здесь же расположена гора Куньлунь (реальная горная система и мифологическая «мировая гора», соединяющая небо и землю), считающаяся источником жизненной энергии. Отсюда *ци* распространяется под четырьмя горными цепями в четыре угла земли (земля имеет форму квадрата). Через восточную цепь *ци* (кор. *ки*) достигает горы Пэктусан, расположенной на границе с Поднебесной империей (1). Отсюда *ки* расходится во все части Корейского полуострова через горные хребты и цепи.

Жизненная энергия входит на поверхность в тех местах, где встречается с водой, но она уязвима и может исчезнуть, если встретится с сильным ветром. Место, в котором *ки* появляется из-под земли, называется *хэль* (кит. *сюэ*), т.е. пещера – место, создававшее у человека чувство безопасности еще с древних времен. Чтобы ветер не унес жизненную энергию, необходимую людям, *хэль* должна быть надежно защищена горами, расположенными в определенном порядке. На востоке должна располагаться гора Синий дракон (*чхонён*), наделенная силой *ян*, на западе – Белый тигр (*пэкхо*) с силой *ым*. С севера *хэль* прикрывает гора Черная черепаха (*хёнму*), или Главная гора. Она является окончанием горной цепи, связанной с Куньлунь и носящей название Приближающийся дракон (*нэрён*). На ее южном склоне и находится мистическое место *хэль*, в котором жизненная энергия проявляется и становится доступной человеку.

Территория, окруженная Черной черепехой, Голубым драконом и Белым тигром, называется *мёндан* (Светлый двор). К югу от него должна находиться Столовая гора (*ансан*), а позади ее лежит Слуга-гора (*чосан*). В этой диспозиции Главная гора выступает в качестве символа короля, хозяина, мужа. Слуга-гора символизирует министра, слугу, жену. Поэтому Слуга-гора не может быть выше, чем Главная гора [8. Р. 40].

Важным элементом идеальной схемы является вода, именно она привлекает *ки*. К югу от Светлого Двора должна протекать река. Течение не должно быть быстрым, а вода мутной. В таком случае неподвижные горы (*ым*) и текущая вода (*ян*) находятся в гармонии. Если все условия соблюдены, строительство дома, похороны предка в таком идеальном месте приносят удачу всем живущим и следующим поколениям.

Важную роль в выборе благоприятного места играет специальный компас *юндэ* (кит. *лопань*), циферблат которого разделен на 24 сегмента. На нем отмечены 4 главные стороны света, каждая из которых обладает уникальным *ци* и влияет на судьбу человека, 8 триграмм из китайской «Книги Перемен»

(«Ицзин»), предсказывающие развитие событий и судьбу, «10 Небесных стволов и 12 Земных ветвей» (базовые категории китайской астрологии и календаря). Все эти мистические знаки расположены в соответствии с теориями *инь–ян* и Пяти элементов. Данный инструмент используется для определения топографических характеристик местности, определения характеристик ветра и воды, нахождения сконцентрированной под землей жизненной энергии *ци* [9].

Таким образом, ландшафт понимается как магическое существо, оказывающее позитивное или негативное влияние на судьбу человека. Он очень уязвим, его гармоничное состояние может быть легко разрушено человеческим вмешательством; в результате жизненная энергия уйдет с этого места. Но человек может, видоизменяя ландшафт в правильном направлении, восстановить гармонию и даже улучшать пхунсу места своего обитания. Делается это путем сооружения пагод и создания искусственных водоемов.

Горы занимают 80% территории Кореи, и, конечно, есть немало мест, более или менее соответствующих идеалу пхунсу; люди селились в них, жили и хоронили родственников. Но всего несколько территорий обладают достаточно сильной жизненной энергией, способной оказывать благотворное влияние на жизнь всего народа. В таких местах основывались столицы сменяющих друг друга корейских династий. Поэтому оккультная наука часто использовалась в политических целях.

В середине IX в. государство Силла вступило в период упадка. Центральная власть была слабой, аристократия и знать превращали пожалованные земли в личную собственность, налоги не поступали в казну, крестьянство разорялось. Некоторые крупные землевладельцы стали создавать собственные государственные образования. Власть силланского вана ограничивалась только столицей Кёнджу. В этой ситуации военачальник самопровозглашенного государства Позднее Когуре Ван Гон в 918 г. восстал против своего правителя, который впоследствии был убит своим окружением. Пользуясь реальной властью и большим авторитетом у знати и воинов, Ван Гон занялся воссозданием единого корейского государства.

Эксперты пхунсу (*пхунсуса*) в этой ситуации стали утверждать, что Кёнджу, находившийся на юго-востоке полуострова, располагался в неблагоприятном месте, и для блага государства столицу нужно перенести в центральный район, т.е. на территорию государства Позднее Когурё, которое теперь возглавлял Ван Гон. В 935 г. он заставил последнего правителя Силла отречься от престола в свою пользу. Основанием для такого акта стало предсказание Тосона о будущей смене династии. При этом Ван Гон переименовал государство, назвав его Корё. Столицей стал г. Кэгён (ныне Кэсон), располагавшийся на родовых землях семьи Ван Гона. Немаловажную роль сыграли и соображения, связанные с пхунсу. Ван Гон построил на севере вторую столицу, Согён (совр. Пхеньян), и отправил туда часть своей администрации.

Основатель династии Корё (935–1392 гг.) способствовал популяризации пхунсу. Незадолго до смерти он оставил наследникам «Десять наставлений» (*Хунъё сипчо*). Второе гласило: «Не стройте храмы в местах, которые не соответствуют принципам пхунсу Тосона. Он сказал: “Если храмы и монастыри будут построены в местах, не выбранных мною, земные силы и энергии будут быстро истощены, что ускорит падение династии. (...) В конце династии Силла многие храмы возводились бессистемно..., что станет причиной ее падения”». В пятом наставлении Ван Гон утверждал: «Я совершил великое деяние – основал династию с помощью пхунсу нашей страны. Западная столица Согён имеет элемент воды и является источником земных сил нашей страны. Поэтому она – настоящий центр династии для десяти тысяч поколений. Совершайте королевские визиты в Западную столицу четыре раза в год – во втором, в пятом, восьмом и одиннадцатом месяцах, и оставайтесь там не менее ста дней. Этим вы обеспечите мир и процветание» [10. Р. 79].

В дальнейшем противоборствующие политические группировки часто использовали идеи пхунсу для обоснования собственных притязаний. Так, начавшийся в конце XI в. кризис власти и экономической системы, на которой она была основана, привел к конфронтации т.н. новых чиновников, служивших в основном во второй столице Согён, и старой аристократии. Положение усугублялось еще тем, что находившиеся по соседству племена чжурчжэней в 1115 г. объединились и создали собственное государство Цзинь. К 1127 г. они захватили весь Северный Китай, сунскую столицу Кайфын и вынудили двор бежать на юг, где было воссоздано китайское государство под названием Южно-Сунская империя. Чжурчжэньская угроза была реальна и для Корё.

В этих условиях авторитетный монах Мёчхон выступил с идеей переноса главной столицы в Согён (Пхеньян), поскольку *ки* в Кэгёне оказалась исчерпанной, чему подтверждением и был общественный и политический кризис. Король Инджон и часть чиновничьего класса проявили интерес к предложению перемещения столицы на запад, но оно встретило резкое сопротивление старой аристократии. Центральной фигурой в партии противников перемен был Ким Бу Сик (1075–1151 гг.), видный конфуцианский ученый, автор известного исторического труда «Самгук саги» («Исторические записки Трех государств»).

Тогда Мёчхон и его сообщники-чиновники решились на открытое восстание. В 1135 г. они при поддержке военного гарнизона Согёна отстранили от должностей выходцев из столицы и объявили о создании нового государства, однако менять династию они не собирались [11. Р. 113–114].

Восстание было подавлено королевским экспедиционным корпусом, которым командовал Ким Бу Сик. Мёчхон и его сподвижники были обезглавлены. Эти события ослабили влияние пхунсу на общественные процессы, но ненадолго.

С падением Корё в 1392 г. и провозглашением династии Чосон вновь встал вопрос об основании новой столицы, поскольку было решено, что пхунсу

су ландшафта Кэсона исчерпало себя. Основатель нового государства Ли Сон Ге (1392–1398 гг. прав.) приказал лучшим *пхунсу* найти самое благоприятное место для главного города. Долгие изыскания показали, что оно находится в районе городка Хансон. Здесь в 1394 г. началось строительство столицы Чосона – города Ханян (Сеул с 1948 г.).

Место было близко к идеалу *пхунсу*. К северу от столицы расположена гора Пугаксан (Главная гора по схеме *пхунсу*), а у ее подножья, на месте предполагаемого *хэля*, был построен королевский дворец Кёнбок с залом для аудиенций. С востока город защищен горной цепью Наксан (Голубой дракон), а с запада хребтами Инвансан (Белый тигр). Южную границу городской территории обозначала гора Намсан (Столовая гора). За ней протекает р. Ханган, а еще южнее находится гора Кванаксан (Гора-слуга). Немаловажным было и то обстоятельство, что столица находилась в центре королевства, в излучине р. Ханган, и была связана с северными, восточными, южными и западными регионами водными путями [6. Р. 231–235].

Такое благоприятное расположение столицы должно было, по предсказаниям, обеспечить тысячелетнее существование королевства Чосон. Пророчество сбылось только на половину: государство с таким названием просуществовало до 1910 г., т.е. чуть более 500 лет.

В период Чосон государственной идеологией стало неоконфуцианство, которое враждебно относилось к другим течениям мысли, в том числе и к *пхунсу*. Рационально мыслящие конфуцианские ученые критиковали мистические практики выбора мест для захоронения, входившие в противоречие с каноническими установками сборника «Семейные ритуалы Чжу Си» (2). Однако как простолюдины, так и королевская семья продолжали использовать *пхунсу* при выборе благоприятных мест для упокоения своих родственников. Показательна история захоронения известнейшего неоконфуцианца Сон Сирёля (1607–1689 гг.), бывшего при жизни наставником короля и ортодоксальным толкователем похоронных ритуалов. Место для его могилы было выбрано родственниками в соответствии с основными принципами *пунсу*, однако оно не было идеальным. Гора, на которой был похоронен ученый, своими очертаниями напоминала военачальника, однако по близости не было холмов, похожих на солдат. Поэтому потомкам Сона было разрешено переместить находившийся невдалеке рынок поближе к месту захоронения [12. Р. 346]. Теперь гора-генерал могла командовать «солдатами», собиравшимися для торговых сделок.

В XX в. относительно спокойное существование Кореи закончилось. Японская оккупация, разделение страны на два государства, Корейская война (1950–1953 гг.), индустриализация, идеологические и политические конфликты, глобализация во многом изменили корейский этос. Но стремление жить в гармонии с природой не исчезло со временем. И сегодня эксперты *пхунсу* востребованы при выборе благоприятных мест для местожительства, строительства домов, школ, предприятий, сооружения парков, родительских могил,

причем вера в теорию «ветра и воды» не зависит социальной принадлежности человека и уровня его образования. Конечно, ныне к хорошему пхунсу должны прилагаться еще и социально-экономические условия: наличие транспорта, рынка труда, электричества и т. п.

Заключение. Корейцы на протяжении всей своей истории были уверены, что гармония между такими природными феноменами, как дождь, ветер, времена года, а также объектами местности – горами, реками, ландшафтом – приносит человеку здоровье и счастье. Под влиянием китайской культуры они подвели теоретическое и философское обоснование своим взглядам на взаимосвязь человеческого существования и природного мира и создали целостную систему, включившую в себя элементы традиционной культуры. Таким образом, пхунсу стало важной частью корейского мировоззрения, и его влияние прослеживается как в ландшафтах, так и в различных аспектах корейской культуры. Разумеется, теория пхунсу далека от современной науки, но она находится в русле нового экологического мышления. Осознание единства человека и мира, стремление не к подчинению природы, а к гармонии с ней, становится главным трендом нашего времени, и корейцы накопили в этом смысле огромный опыт.

© Смертин Ю.Г., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Эта гора вулканического происхождения священна для корейцев, поскольку, согласно мифу, на нее спустился Хванун, сын Царя небес Хванына, и здесь женщина-медведица родила ему сына Тангуна, основавшего корейское государство в 2333 г. до н.э.
- (2) «Семейные ритуалы Чжу Си» («кор. *Чуджа-гарье*») были настольной книгой корейских конфуцианцев эпохи Чосон. Она представляла собой сборник высказываний основателя неоконфуцианства по поводу «четырёх ритуалов»: совершеннолетия, женитьбы, похорон и почитания предков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Choi Chang-jo. P'ungsu, the Korean Traditional Geographic Thoughts // *Korea Journal*, 1986, № 5.
- [2] Духовная культура Китая. Энциклопедия. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009.
- [3] Meyer A. Biography of Guan Lu // *The Human Tradition in Premodern China*. Ed by K.J. Hammon. Washington, 2002.
- [4] Paton M.J. *Five Classics of Fengshui: Chinese Spiritual Geography in Historical and Environment Perspective*. Leiden, 2013.
- [5] *A Translation of the Ancient Chinese the Book of Burial (Zang Zhu) by Guo Pu (276–324)*. New York, 2004.

- [6] Yoon Hong-key. The Culture of Fenfshui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. Lanham, 2006.
- [7] Дун Чжуншу. Чун цю фан лу // Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990.
- [8] Choi Chang-jo. P'ungsu, the Korean Traditional Geographic Thoughts // Korea Journal, 1986, № 5.
- [9] Skinner S. Guide to the Feng Shui Compass: a Compendium of Classical Feng Shui. Singapore, 2008.
- [10] Experts from Koryo sa: the Ten Injunctions of Wang Kon (King Taejo). Asia for Educators. Columbia University. URL: <http://afe.easia.columbia.edu>.
- [11] Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI в. СПб, 2009.
- [12] Yoon Hong-key. The Image of Nature in Geomancy // GeoJournal. Vol. 4. № 4. 1980.

P'UNSU: KOREAN ART OF HARMONIOUS LIVING

Y.G. Smertin

Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar, Russia, 350000

This article examines the phenomenon of the p'unsu, which has little studied in domestic science. Koreans used this philosophical theory and practice from antiquity when they defined auspicious places for settlements and burials of relatives. Based on medieval and modern literature sources the author analyzes the link of p'unsu with Chinese fengshui, explores the main theoretical postulates of this theory and its practical application for the sake of gaining a healthy and happy life. P'unsu played an important role in the political life of the medieval Korea, so the article reveals its social function. The conclusion is that this ancient proto-science helped the Koreans to live in harmony with nature, it has become an important part of Korean worldview and is demanding in modern Korea. To understand Korean culture in all its diversity, it is necessary to consider a role p'unsu.

Key words: Korea, p'unsu, fengshui, qi, ki, yin, yang, hyol, landscape, capital

REFERENCES

- [1] Choi Chang-jo. P'ungsu, the Korean Traditional Geographic Thoughts // Korea Journal. 1986. № 5.
- [2] Duhovnjaja kul'tura Kitaja. Enciklopedija. T. 5. Nauka, tehničeskaja i voennaja mysl', zdravoohranenie i obrazovanie. Moskva, 2009. (In Russ)
- [3] Meyer A. Biography of Guan Lu // The Human Tradition in Premodern China. Ed by K.J. Hammon. Washington, 2002.
- [4] Paton M.J. Five Classics of Fengshui: Chinese Spiritual Geography in Historical and Environment Perspective. Leiden, 2013.

- [5] A Translation of the Ancient Chinese the Book of Burial (Zang Zhu) by Guo Pu (276–324). New York, 2004.
- [6] Yoon Hong-key. The Culture of Fenchui in Korea: an exploration of East Asian geomancy. Lanham, 2006.
- [7] Dun Chunshu. Chun tsiu fan lu // Drevnekitaiskaja filosofija. Epoha Han'. Moskva, 1990.
- [8] Choi Chang-jo. P'ungsu, the Korean Traditional Geographic Thoughts // Korea Journal, 1986, № 5.
- [9] Skinner S. Guide to the Feng Shui Compass: a Compendium of Classical Feng Shui. Singapore, 2008.
- [10] Experts from Koryo sa: the Ten Injunctions of Wang Kon (King Taejo). Asia for Educators. Columbia University. URL: <http://afe.easia.columbia.edu>.
- [11] Kurbanov S.O. Istorija Korei s drevnosti do nachala XXI veka. Sankt-Peterburg, 2009 (In Russ.).
- [12] Yoon Hong-key. The Image of Nature in Geomancy // GeoJournal. Vol. 4. № 4. 1980.

Сведения об авторе:

Смертин Юрий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета.

E-mail: usmer@hotmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-215-221

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЛИВИИ (1990–2010 гг.)

Фатума М. М. Мамлук

Посольство Ливии

ул. Мосфильмовская, 38, Москва, Россия, 151127

В данной работе автор рассматривает приоритетные направления внешнеполитической деятельности Ливии в период с начала 1990 г. по 2010 г. Особое внимание уделяет ее отношениям с США и другими западными странами, а в частности более подробно раскрывает тему санкций ООН, введенных против Ливии, поскольку они сильно повлияли практически на все сферы деятельности страны, также рассказывает о главных событиях между Ливией и Россией. Кроме того, автор освещает основную идею внешнеполитической деятельности Ливии – юнионизм.

Ключевые слова: Ливия, внешняя политика, санкции, ООН, США, юнионизм, арабский мир

Как и в предыдущий период, внешнеполитическая деятельность Ливии в период с 1990 г. по 2010 г. строилась на основе концепции «третьей мировой теории», разработанной М. Каддафи, которая значительно отличалась от капитализма А. Смита и коммунизма К. Маркса [9]. Основной идеей на внешнеполитической арене для М. Каддафи по-прежнему оставался юнионизм, в основе которого лежала идеология, а экономика отходила на второй план, что во многом объясняет неудачи ливийского лидера на этом поприще. Вместе с тем ряд внешнеполитических решений был принят с позиций прагматизма, который проявлялся не только во внешнеполитических заявлениях, но и в конкретных решениях. Однако прагматизм этот был вынужденным, ставшим следствием применения санкций, а не глобальным переосмыслением внешнеполитических приоритетов.

В 1990-е гг. Ливия жила в режиме санкций, принятых ООН. Меры, предпринятые мировым сообществом против Ливии, предполагали запрет на любые формы военного и технического сотрудничества с ней, запрещали международное воздушное сообщение, заблокировали ливийские авуары в иностранных банках, запретили продажу некоторых видов нефтяного оборудования. И в то же время ливийскому правительству не запрещалось продажа нефти,

что и спасло, в конечном счете, экономику страны от кризиса. Ежегодно ливийская казна получала серьезную подпитку от торговли нефтью на сумму до девяти млрд долларов.

М. Каддафи, в числе немногих политиков, поддержал действия ГКЧП. Отношения с Россией как правопреемницей СССР в этот период отошли для Ливии на второй план. Тому были серьезные причины: во-первых, руководство РФ во главе с Б.Н. Ельциным проводило прозападный курс, надеясь получить материальную и политическую поддержку со стороны Запада для проведения реформ, т.е. фактически шло в фарватере политики США. Во-вторых, Россия перестала играть роль поставщика вооружений Ливии, а именно в этом качестве интересовал Ливию когда-то Советский Союз. Но М. Каддафи рассчитывать на поддержку Москвы в вопросе отмены санкций против ливийского государства.

Все 1990-е гг. и начало 2000-х гг. противостояние Ливии с западным миром, и прежде всего с США, продолжалось. Введенные санкции дали о себе знать, экономическая мощь ливийского государства была подорвана, что не могло сказаться на внешнеполитической активности М. Каддафи. Важным инструментом для достижения внешнеполитических целей для М. Каддафи было оказание материальной помощи заинтересованным сторонам, но после санкций она существенно сократилась исламистским и националистическим движениям в различных регионах.

Борьба с Западом в 2000-е гг. как традиционный вектор внешней политики М. Каддафи приобрела новые черты. Это была борьба уже не с западной цивилизацией как таковой, а с экономическими санкциями, которые она инициировала. В 2001 г. ливийское правительство открыто осудило террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне. Более того, военную операцию США против правительства талибов в Афганистане М. Каддафи охарактеризовал как «законный акт защиты». Это был беспрецедентный случай, когда лидер ливийской революции публично поддержал президента США.

19 декабря 2003 г. ливийское правительство объявило о том, что оно: во-первых, прекращает производство ядерного и химического оружия массового уничтожения, во-вторых, разрешает провести соответствующие проверки военным инспекторам ООН [1]. В этом же заявлении говорилось, что Ливия готова уничтожить все баллистические ракеты и ликвидировать все запасы химического оружия [2]. Ливия пошла не только на допуск иностранных специалистов на секретные объекты, но и согласилось на серьезные ограничения в своей военной программе, что впоследствии негативно сказалось на безопасности страны. Ливия присоединилась к договору о нераспространении ядерного оружия. Некоторые исследователи приводят сведения о том, что ливийский лидер внимательно следил за судьбой Саддама Хусейна и понял, что с ним может произойти то же самое [3].

Однако в августе 2002 г. ООН избрала Ливию в качестве председателя комиссии ООН по правам человека, что было полной неожиданностью для многих экспертов. Безусловно, ливийская дипломатия сполна воспользовалась подвернувшимся шансом начать информационную атаку против своих противников на Западе. Так, возглавляемая ливийцами комиссия подвергла жесткой критике пенитенциарную систему США и существование смертной казни в этом государстве.

Пытаясь уйти из-под режима санкций, ливийское правительство было вынуждено взять на себя ответственность за теракт в Локерби. Более того, в марте 2003 г. Ливия окончательно договорилась о суммах и порядке выплат денежных компенсаций по 10 млн долларов каждой семье погибших [4].

12 сентября 2003 г. в Совете Безопасности ООН состоялось голосование по вопросу о санкциях против Ливии, 13 из 15 членов Совета Безопасности ООН высказались за отмену санкций, только представители США и Франции воздержались. Таким образом, не нашлось ни одного государства, которое бы выступило за сохранение режима санкций. Санкции ООН против Ливии были сняты, глава ливийского государства избавился от ярлыка «изгоя», вернув себе статус легитимного правителя [5].

Обратим внимание еще на один важный нюанс: позиции двух ведущих атлантических стран в отношении Ливии несколько отличались. Если США по-прежнему занимали жесткую позицию в отношении Ливии (госсекретарь К. Пауэлл как и прежде называл Ливию тоталитарным государством) [6], Вашингтон продолжал с недоверием относиться к Триполи, отношения США на протяжении всего периода правления М. Каддафи оставались напряженными, то позиция Великобритании стала более мягкой. Британцы полагали, что Западу стоит учесть изменения во внешнеполитическом курсе М. Каддафи и пытались привлечь ливийцев на свою сторону. Надеясь договориться с М. Каддафи, британцы верили, что по пути сотрудничества с Западом пойдут Иран и Северная Корея, а политика М. Каддафи может стать им примером. Вашингтон считал, что вести переговоры с ливийским лидером можно только с позиции силы. Так или иначе, но в октябре 2004 г. все санкции с Ливии окончательно были сняты.

Действительно, отношения между Ливией и Великобританией значительно улучшились, особенно после добровольного отказа Ливии от производства оружия массового поражения. Еще в 1999 г. были восстановлены дипломатические отношения с Великобританией, а с 2002 г. началось стремительное улучшение двусторонних отношений [7].

В знак поддержки нового курса ливийского лидера в Триполи прибыл премьер-министр Великобритании Т. Блэр, приветствуя возвращение Ливии в международное сообщество. В этот же период было заключено несколько соглашений в сфере экономического сотрудничества между Ливией и западными странами [3].

В 2000-е гг. основным партнером среди западных стран для Ливии продолжала оставаться Италия, с которой было налажено экономическое сотрудничество. В июле 2003 г. было подписано соглашение между двумя странами о совместной борьбе с нелегальной иммиграцией, что особенно актуальным было для бывшей метрополии. В августе 2008 г. итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони подписал соглашение о дружбе, по которому Италия обязалась выплатить Ливии 5 млрд долларов в качестве компенсации за годы 30-летнего колониального владычества (период с 1911 г. по 1942 г.). Среди европейских стран чаще всего М. Каддафи посещал именно Италию. Только за один 2010 г. он побывал в Риме четыре раза.

Преодоление последствий санкций ООН правительство Ливии видело прежде всего в интенсивном развитии нефтегазового сектора национальной экономики. В нефтегазовом секторе Ливии действовали более 20 иностранных фирм. Это были компании со всего мира: из Италии, Канады, Швейцарии, Великобритании, Франции, Испании, Саудовской Аравии и Малайзии. В 2001–2002 гг. Ливия стала также проявлять интерес к Украине.

Отношения с Россией были возобновлены только во второй половине 2000-х гг.

В 2007 г. прошла встреча глав внешнеполитических ведомств С.В. Лаврова и А. Шалькамава в рамках 62-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке. И в декабре того же года Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров прибыл в Триполи с рабочим визитом и передал ливийскому лидеру послание В.В. Путина [8].

После многочисленных встреч должностных лиц обеих стран 2008 г. стал годом встреч глав государств. Президент Российской Федерации В.В. Путин нанес визит в Ливию 16–17 апреля 2008 г. В ходе встреч было подписано ряд межправительственных документов (в частности, Декларация об укреплении дружбы и развитии сотрудничества, Декларация о намерениях по развитию многоотраслевого сотрудничества), а также меморандумов и контрактов между экономическими структурами. 1 октября – 2 ноября 2008 г. состоялся визит в Россию Руководителя ливийской М. Каддафи. Было заключено Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, достигнута договоренность о создании совместного банка и ряд других взаимопониманий, стимулирующих набранную динамику отношений [8].

31 октября 2008 г. ливийское правительство приняло решение перевести деньги на счета Международного фонда благотворительных ассоциаций, через который предстояло организовать выплаты жертвам катастроф и терактов. Официальный представитель Госдепартамента США Шон Мак Комарк назвал это решение «похвальной вехой... очищающей путь к длительному и расширяющемуся американо-ливийскому товариществу». Действительно, выплаты жертвам терактов рассматривались американской администрацией

как важное условие налаживания отношений между двумя государствами. Дж. Буш также подписал правительственное распоряжение, восстанавливающее неприкосновенность Ливии в судебных процессах, связанных с террором. Первый визит М. Каддафи в США состоялся в сентябре 2009 г. Он выступил в Нью-Йорке на заседании ООН.

Африканское направление стало приоритетным во внешней политике Ливии в 1990–2000-е. Идеи юнионизма, которые М. Каддафи пытался неудачно воплотить в жизнь в арабских странах, так как объективных предпосылок для объединения кроме наличия общего языка, культуры и религии у арабов не было, получили свою вторую жизнь на «черном континенте», стремившегося к объединению. Их спланивала бедность и наличие в прошлом общего врага – колониализма. Сравнивая результаты юнионизма в обоих регионах, можно констатировать, что в Африке М. Каддафи добился определенных успехов. С одной стороны, сама идея была прогрессивна, так как освободившаяся от колониального господства Африка нуждалась в координации действий, в единой политике по решению насущных экономических проблем. В том, что Организация африканского единства, преобразованная в Африканский союз, стала работать эффективней, есть немалая заслуга ливийского лидера. Между тем на пути реализации идеи общеафриканского единства Ливия допустила ряд ошибок, подорвавших доверие к этой стране. М. Каддафи форсировал создание «Соединенных штатов Африки», не учитывая реалии, сложившиеся на континенте, оказывал давление на другие государства, пытаясь выступать в роли «старшего брата». Опираясь в основном на бедные страны континента, он пренебрегал интересами африканских государств, игравших роль региональных лидеров.

Таким образом, можно заключить, что с конца 1990-х гг. начался и в течение 2000-х гг. шел процесс постепенной нормализации отношений Ливии с Западом. Инициировала его сама Ливия, так как М. Каддафи пришел к пониманию того, что в условиях сохранения санкций со стороны ООН экономика страны обречена на стагнацию.

Изменения во внешнеполитическом курсе ливийского государства были с энтузиазмом встречены в Европе. В попытках выйти из изоляции М. Каддафи нашел достаточно неожиданную поддержку в Лондоне. Однако основным партнером Ливии на европейском континенте продолжала оставаться Италия. И в то же время наиболее трудным был процесс урегулирования отношений с США. Администрация американского президента продолжала с недоверием относиться к режиму М. Каддафи. В правящих кругах этого государства по-прежнему преобладали влиятельные «ястребы», противодействовавшие нормализации отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абдул Хамид Сиам. Безъядерный Ближний Восток, Израиль является исключением (на арабском языке) // Информационное агентство Al-Quds Al-Arabi. URL: <http://www.alquds.uk/?p=425892> (дата обращения 19.08.2016).
- [2] Зарипов А.Х. Проблема массового уничтожения в Ливии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. 1. С. 71.
- [3] Хаггер Н. Синдикат. История мирового правительства. М.: Алгоритм-Книга, 2009. С. 246.
- [4] Libya Offers \$2.7 Billion Settlement To Relatives of PanAm 103 Victims // The Wall Street Journal. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB1022624328897385720> (дата обращения 09.11.2016).
- [5] Горшков А.В. Идеологическое обоснование концепции «государств-изгоев» в теории и на практике // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 266–269; Горшков А.В. К современному понятию «политического режима» через призму «государств-изгоев» // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 3. С. 29–31.
- [6] Клименко И.А. Изменение позиции США в отношении Ливии после выдачи Триполи оружия массового поражения международному сообществу // Вестник Майковского государственного технологического университета. 2011. № 3. С. 76–80.
- [7] Касаев Э.О. Западный вектор внешней политики Ливии // Институт Ближнего Востока. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2009/16-07-09.htm> (дата обращения 21.10.2016).
- [8] Российско-ливийские отношения // Официальный сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/ly/?currentpage=main-country> (дата обращения 13.07.2016).
- [9] Воронин С.А. Восток-Запад: специфика политико-правовой доктрины «третьего пути» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 4. С. 7–25.

THE MAIN DIRECTIONS OF LIBYAN FOREIGN POLICY (1990–2010)

Fatuma M. M. Mamlouk

Embassy of State of Libya in Russian Federation
38 Mosfilmovskaya St., Moscow, 151127

This article examines the main priorities of Libyan foreign policy in the period from 1990 to 2010. Special attention is paid to it relations with the United States and other Western countries, in addition it shows more detail about UN sanctions imposed on Libya, which they are strongly affected in almost of country's activity, also it views the main events between Libya and Russia, as well as it covers the basic idea of Libyan foreign political activities – unionism.

Key words: Libya, foreign policy, sanctions, UN, USA, unionism, Arab world

REFERENCES

- [1] Abdul Khamid Siam. Bez'yadernyi Blizhnii Vostok, Izrail' yavlyayetsya isklyucheniem (na arabskom yazyke) // Al-QudsAl-Arabi. URL: <http://www.alquds.uk/?p=425892> (In Arab.).
- [2] Zaripov A.Kh. Problema massovogo unichtozheniya v Livii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2013. № 1 (27). S. 71 (In Russ.).
- [3] Khagger N. Sindikat. Istoriya mirovogo pravitel'stva. M.: Algoritm-Kniga, 2009 (In Arab.).
- [4] Libya Offers \$2.7 Billion Settlement To Relatives of PanAm 103 Victims // The Wall Street Journal. URL: <http://www.wsj.com/articles>.
- [5] Gorshkov A.V. Ideologicheskoe obosnovanie kontseptsii «gosudarstv-izgoev» v teorii i na praktike // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2012. № 2. S. 266–269; Gorshkov A.V. K sovremennomu ponyatiyu «politicheskogo rezhima» cherez prizmu «gosudarstv-izgoev» // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal. 2012. № 3. S. 29–31 (In Russ.).
- [6] Klimenko I.A. Izmenenie pozitsii USA v otnoshenii Livii posle vydachi Tripoli oruzhiya massovogo porazheniya mezhdunarodnomu soobshchestvu // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2011. № 3. S. 76–80 (In Russ.).
- [7] Kasaev E.O. Zapadnyi vektor vneshnei politiki Livii // Institut Blizhnego Vostoka. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2009/16-07-09.htm>.
- [8] Rossiisko-liviiskie otnosheniya // Ofitsial'nyi sait MID RF. URL: <http://www.mid.ru/ru/maps/ly/?currentpage=main-country>.
- [9] Voronin S.A. Vostok-Zapad: spetsifika politiko-pravovoi doktriny «tret'ego puti» // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2011. № 4. S. 7–25 (In Russ.).

Сведения об авторе:

Фатума М. М. Мамлук (Fatuma M. M. Mamlouk) – временный поверенный в делах Государства Ливия в РФ.

E-mail: fatomamm@yahoo.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-222-233

РОССИЯ – ИНДИЯ: НЕОБХОДИМО ПОВЫШАТЬ УРОВЕНЬ ДОВЕРИЯ

И.С. Акарашов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

2017 г. является знаковым годом в истории российско-индийских отношений. 70 лет назад, 13 апреля 1947 г., еще до получения независимости, Индия и Советский Союз официально заявили об установлении дипломатических отношений. На всем протяжении времени отношения отличались стабильностью и непрерывностью и сегодня охватывают все области сотрудничества, включая политическую, экономическую, военную, научно-техническую, культурную и другие сферы. После распада СССР Индия и Россия выразили заинтересованность в дальнейшем углублении и диверсификации их тесных и многогранных связей. В октябре 2000 г. во время государственного визита Президента Владимира Путина в Индию была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. Этот документ заложил основы российско-индийских отношений в XXI в. Данная статья посвящена изучению российско-индийских отношений с 2000 по 2016 г. Особое внимание автор уделяет анализу политического сотрудничества между странами по ключевым международным и региональным проблемам.

Ключевые слова: Россия, Индия, государственный визит, сотрудничество, стратегическое партнерство

Сегодня отношения Республики Индия и Российской Федерации является одним из приоритетных направлений во внешней политики обеих стран. Обе страны говорят о важности, которую они придают двусторонним отношениям. В Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. подчеркивается, что российско-индийские отношения являются отношениями «особо привилегированного стратегического партнерства» [1], а лидеры Индии не раз заявляли, что считают Россию ключевым стратегическим партнером страны. Такие отношения – это результат плодотворного сотрудничества в течение длительного времени.

Отношения дружбы и сотрудничества зародились в 50-х гг. прошлого века, с визита Джавахарлала Неру в СССР в июне 1955 г. и визита Н.С. Хрущева в Индию в декабре 1955 г. С тех пор индо-советские отношения процветали на протяжении многих десятилетий. В годы холодной войны Советский

Союз стал основным источником военной техники и технологий для индийской армии, военно-морского флота и оборонной промышленности Индии. Помимо этого СССР внес большой вклад в создание промышленных объектов и инфраструктуры страны.

Отношения начали постепенно меняться в конце 80-х гг., когда в Советском Союзе началась перестройка. Поставки оборудования и технологий продолжились, но гораздо менее быстрыми темпами, а конец холодной войны и распад Союза внесли значительные изменения в отношениях между двумя странами.

Изменения мировой системы в начале 1990-х гг. привели к фундаментальным трансформациям в геополитической карте мира. Россия, несмотря на унаследованную внушительную военную мощь своего предшественника, потеряла свои позиции в мире, а экономический хаос и политическая нестабильность усугубили потерю лидерства на международной арене. В связи с этим традиционные связи со странами Юга, в том числе и с Индией, стали ослабевать, а основными направлениями внешней политики стали отношения со странами Запада.

В результате первые годы после распада СССР отношения Индии с постсоветской Россией были отмечены большой долей неопределенности, непоследовательности и отсутствия ясности. Хотя Индия пыталась предпринять некоторые шаги для восстановления традиционных связей, они не дали каких-либо существенных результатов. Как следствие, внешняя политика Индии в эти годы, с одной стороны, была направлена на попытки воскрешения экономических и военных связей с Россией, а с другой – на поиски альтернатив на Западе.

Ситуацию коренным образом изменил новый министр иностранных дел РФ Евгений Примаков, который заявил, что внешняя политика России должна быть активной во всех областях, включая дальнейшее сотрудничество с Соединенными Штатами, странами Европы, а также развитие традиционных отношений с Китаем, Индией, Японией, и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Для того, чтобы укрепить отношения со старыми союзниками, Примаков посетил Индию в 1998 г. и выдвинул предложение по созданию стратегического треугольника Россия – Индия – Китай (РИК). А с приходом к власти нового правительства РФ под руководством Владимира Путина в 2000 г. отношения Индии и России перешли на новый уровень.

В Концепции внешней политики РФ от 28 июня 2000 г. сказано, что роль Азии в мире возрастает, и одним из важнейших направлений российской внешней политики в регионе должно стать “развитие дружественных отношений с ведущими азиатскими государствами” и “углубление традиционного партнерства с Индией, в том числе в международных делах” [2]. Концепция, которая закрепила намерения России восстановить связи со своими традици-

онными союзниками, дала новый импульс российско-индийским отношениям. С этого момента политические контакты и встречи руководителей двух стран происходят беспрецедентно часто. За последние 16 лет состоялось 12 визитов на самом высоком уровне.

За этот период президентами РФ было совершено 9 государственных визитов в Индию, а индийские лидеры посещали Россию три раза. Первый государственный визит Президента РФ в Индию после семилетнего перерыва состоялся в октябре 2000 г. В ходе визита Владимир Путин встретился с премьер-министром Индии Аталом Бихари Ваджпаи и Президентом Кочерилом Раманом Нараянаном. Этот визит стал знаковым в двусторонних отношениях – стороны подписали Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индия. Этот документ определил будущее российско-индийских отношений. В нем были определены рамки и направления двусторонних отношений в политической, торгово-экономической областях, области обороны, науки и техники, культуры и т.д.

Согласно Декларации стратегическое сотрудничество в политической области предусматривает:

- 1) проведение ежегодных встреч на высшем уровне;
- 2) участие в регулярных двусторонних политических и межведомственных консультациях;
- 3) взаимодействие в международных организациях и форумах;
- 4) сотрудничество по вопросам международного мира и безопасности, в том числе по нераспространению оружия массового поражения и мирного разрешения споров;
- 5) взаимное информирование о планируемых внешнеполитических инициативах на международной арене;
- 6) сотрудничество по борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков [3].

Россия стала первой страной, с которой было достигнуто соглашение о проведении ежегодных встреч на высшем уровне. С этого момента страны регулярно обмениваются визитами на уровне глав парламентов, министров и секретарей Советов Безопасности. Созданы Межправительственная Российско-Индийская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и Межправительственная Российско-Индийская комиссия по военно-техническому сотрудничеству.

По итогам встречи можно выделить вопросы регионального и международного сотрудничества, представляющие взаимный интерес:

- формирование многополюсного мира;
- реформирование системы ООН;
- борьба с международным терроризмом;

- стабилизация ситуации в Афганистане;
- обеспечение безопасности в Центральной Азии.

Помимо этого стороны договорились об укреплении военного сотрудничества, в частности о поставках в Индию российской военной техники: авианосца “Адмирал Горшков” и танков Т-90, а также производстве на территории Индии истребителей СУ-30. В энергетической сфере было достигнуто соглашение на поставку российского слабообогащенного урана для индийской АЭС в Тарапуре [4].

Уже через два года, в декабре 2002 г., состоялся второй визит российского Президента в Индию. В ходе встречи были затронуты вопросы международного терроризма, необходимости увеличения объемов двусторонних торгово-экономических отношений, а также вопросы, касающиеся сотрудничества в сфере атомной энергетики. Что касается вопросов борьбы с терроризмом, стороны договорились о создании совместной рабочей группы по противодействию международному терроризму. Меморандум о сотрудничестве предусматривает обмен информацией и проведение совместных мероприятий по расследованию и предотвращению террористических актов.

В ходе переговоров Владимир Путин также отметил необходимость наращивания российско-индийских торгово-экономических отношений. В связи с этим по итогам встречи стороны подписали Декларацию об укреплении и развитии экономического и научно-технического сотрудничества, призванную укрепить и стимулировать двусторонние экономические отношения.

В декабре 2004 г. В.В. Путин вновь посетил Нью-Дели и встретился с Президентом Индии Абдул Каламом и премьер-министром Манмоханом Сингхом. Главной темой визита стали отношения России и Индии на международной арене. Владимир Путин заручился поддержкой Индии в вопросах вступления России в ВТО, а Индия получила обещание поддержать ее стремление стать постоянным членом СБ ООН с получением права вето. По итогам встречи лидеры подписали Соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях и Соглашение о долгосрочном сотрудничестве в области совместного развития, эксплуатации и использования российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС.

Соглашения, которые были достигнуты в ходе визита, стали важными достижениями стран по углублению и расширению традиционных сфер сотрудничества. Помимо договоров на государственном уровне важными для стимуляции сотрудничества стали соглашения между крупнейшими компаниями и банками, что отвечает интересам обоих государств по стимулированию торгово-экономических отношений.

В 2005 г. двусторонним отношениям был дан новый импульс. В мае 2005 г. Президент Индии Абдул Калам посетил Россию с государственным визитом.

Это был первый визит Президента Индии в Москву после распада Советского Союза. Абдул Калам встретился с Президентом РФ В.В. Путиным, а также Председателем Правительства, Председателем Государственной Думы Федерального Собрания и губернатором Санкт-Петербурга. В ходе визита стороны обсудили широкий круг вопросов двустороннего сотрудничества, включая вопросы регионального и международного сотрудничества, сотрудничества в сфере науки и техники, атомной энергетики, а также вопросы космического и военно-технического сотрудничества.

В конце января 2007 г. состоялся четвертый визит В. Путина в Индию, приуроченный к 60-летию установления дипломатических отношений. Помимо Президента Индии А. Калама и премьер-министра М. Сингха Путин встретился с председателем Объединенного прогрессивного альянса Соней Ганди. В ходе визита стороны обсудили вопросы углубления российско-индийских экономических отношений, дальнейшего развития космического сотрудничества, отношений в нефтегазовой сфере, военно-технического сотрудничества. Всего по итогам встречи было подписано более десяти двусторонних договоров в различных областях.

Большое внимание стороны уделили вопросам международного сотрудничества и сотрудничества в сфере международной безопасности. Расширился круг международных и региональных вопросов, представляющих взаимный интерес. Помимо традиционных тем, таких как формирование многополярного мира, реформы ООН (в связи с чем Россия вновь выразила поддержку Индии в ее стремлении стать постоянным членом Совета Безопасности), борьбы с терроризмом, Афганистану и Центральной Азии, стороны также обсудили:

- иранскую ядерную программу, призывая Тегеран к более активному сотрудничеству с МАГАТЭ;
- ситуацию на Корейском полуострове;
- урегулирование арабо-израильского конфликта;
- обстановку в Ираке;
- расширение сотрудничества в формате РИК [5].

Надо отметить, что это не просто обсуждение вопросов, это выработка общего понимания и подходов к решению международных задач. Это также формирование единой линии поведения государств на международной арене, что отвечает духу стратегического союзничества России и Индии.

В марте 2008 г. в России состоялись выборы, новым Президентом страны стал Дмитрий Медведев. Летом этого же года вышла новая Концепция внешней политики РФ, принятая 12 июля 2008 г. Здесь уже более конкретно говорится о российско-индийском стратегическом партнерстве и прописывается политическая линия России на «упрочение взаимодействия по актуальным международным проблемам и всемерное укрепление взаимовыгодных двусторонних связей по всем направлениям» [6].

После смены руководства интенсивность политических контактов не ослабла. Д.А. Медведев посетил Индию в качестве президента РФ в декабре 2008 г. Он встретился с новым Президентом Индии Пратибхой Патил, премьер-министром Манмоханом Сингхом и вице-президентом Мохаммадом Хамидом Ансари. По итогам лидеры подписали ряд важных документов о сотрудничестве в различных областях. В частности, были подписаны Соглашение о сотрудничестве в сооружении дополнительных энергоблоков атомной электростанции на площадке «Куданкулам», а также в сооружении атомных электростанций по российским проектам на новых площадках в Республике Индии; Меморандум о совместных работах в области пилотируемых программ; Программа совместных действий на период 2009–2010 гг. по реализации Соглашения о сотрудничестве в области туризма; Соглашение о взаимодействии в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и т.д. Благодаря этим документам стороны открыли новые направления сотрудничества, которые дали дополнительные стимулы для развития двусторонних контактов на разных уровнях.

Но главной темой визита стала тема борьбы с терроризмом. 26–29 ноября 2008 г. в Мумбаи произошла серия террористических актов, в связи с чем Россия выразила солидарность и поддержку народу Индии. В рамках этой темы лидеры обсудили вопросы безопасности в АТР, Центральной Азии, Афганистане и на Ближнем Востоке. Кроме того, ввиду недавнего конфликта Южной Осетии Индия поддержала Россию, подчеркнув важную роль РФ в обеспечении мира и сотрудничества на Кавказе [7].

В сентябре 2009 г. в Россию с четырехдневным визитом прибыла Пратибха Патил, первая женщина-президент в истории Индии. Визит проходил в рамках празднования Года Индии в России. Она встретила с Президентом РФ Д. Медведевым, премьер-министром В. Путиным и председателем Совета Федерации. Целью визита было расширение сотрудничества между двумя странами в различных областях. Главными темами, обсуждаемыми в ходе переговоров, стали торгово-экономические отношения, научно-техническое сотрудничество, взаимодействие в ядерной энергетике и совместные космические проекты.

В декабре 2010 г. Д.А. Медведев прибыл в Дели с официальным визитом. Главной темой переговоров стало сотрудничество в нефтегазовой сфере. Также стороны обсудили вопросы сотрудничества по борьбе с международным терроризмом, в частности, ситуации в Афганистане. По итогам встречи был подписан солидный пакет из 30 двусторонних документов, среди которых Меморандум о взаимопонимании по расширению научно-технического сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, контракт на эскизно-техническое проектирование истребителя пятого поколения, соглашение об упрощении условий взаимных поездок отдельных категорий граждан двух стран.

В марте 2012 г. Президентом РФ вновь был избран Владимир Путин. 24 декабря 2012 г. он прибыл с государственным визитом в Индию. Главными итогами встречи стало подписание пакета документов о сотрудничестве в экономической сфере, области науки и технологий и гуманитарных контактов. Кроме того, было подписано два важных для России контракта в области военно-технического сотрудничества на сумму \$ 2.9 млрд на поставку вертолетов МИ-17В-5 и технологических комплектов для производства истребителей Су-30МКИ [8].

В декабре 2014 г. в рамках российско-индийского саммита В. Путин провел переговоры с премьер-министром Индии Нарендой Моди и Президентом Пранабом Мукерджи. Лидеры также встретились с представителями деловых кругов двух стран и приняли участие в Международной алмазной конференции. В. Путин заявил, что сотрудничество с Индией является внешнеполитическим приоритетом страны [9], и поднял важный вопрос о переходе на использование национальных валют во взаиморасчетах. По итогам встречи лидеры приняли совместное заявление «Дружба-Дости: план по укреплению российско-индийского партнерства в течение следующего десятилетия». План предусматривает сотрудничество в следующих областях: энергетической, научно-технологической, экономической, политической, а также контактов между людьми.

В совместном заявлении очерчен круг политических вопросов, по которым стороны выразили взаимный интерес:

1) принципы международного права: Россия и Индия выразили свое несогласие с наложением экономических санкций, которые не получили одобрения СБ ООН;

2) реформирование СБ ООН: Россия подтвердила готовность поддержать кандидатуру Индии на обретение постоянного членства в Совете Безопасности;

3) сотрудничество в международных организациях: Россия и Индия будут проводить консультации и координировать свои действия в рамках таких форумов, как “G20”, ВАС, БРИКС, РИК и, после получения Индией полноправного членства, ШОС;

4) борьба с терроризмом: Россия и Индия будут взаимодействовать с целью принятия Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму к 70-му юбилейному Саммиту ООН;

5) стабилизация ситуации в Афганистане: обе страны выразили готовность объединить свои усилия в поддержке восстановления и экономического развития Афганистана;

6) предотвращение распространения оружия массового поражения: Россия выразила готовность поддержать Индию в ее стремлении получить статус полноправного члена Группы ядерных поставщиков, а также в получении Индией полноправного членства в РКРТ и Вассенаарских договоренностях;

7) освоение космического пространства: Россия и Индия будут взаимодействовать в рамках Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях в Вене, Конференции по разоружению в Женеве, Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке и на других площадках [10].

Кроме того, стороны подписали ряд межправительственных и межведомственных документов, в частности, о сотрудничестве в области атомной энергетики и нефтегазового сотрудничества, медицины, инвестиций, технологий, гуманитарной сфере и ряд коммерческих контрактов.

В мае 2015 г. Президент Индии Пранаб Мукерджи прибыл в Москву для участия в Параде победы по случаю 70-й годовщины окончания Второй мировой войны. Этот визит был важным сигналом для России. Президент Индийской Республики впервые участвовал в параде по случаю Дня Победы, и это отчасти связано с выражением солидарности с Россией. Большинство западных лидеров бойкотировали торжественное мероприятие в знак протеста против событий на Украине и в связи с недовольством российской внешней политикой. Своим визитом П. Мукерджи поддержал Россию в непростое для страны время и показал, что отношения с Россией являются стабильными и не зависят от мнения других стран.

В октябре 2016 г. В. Путин прилетел в индийский штат Гоа на саммит БРИКС, на площадке которого состоялся разговор с премьер-министром Индии Н. Моди. Основными темами стали торгово-экономическое сотрудничество и сотрудничество в военной и военно-технической сфере. В ходе переговоров было подписано порядка 20 документов, среди которых Меморандум о расширении двустороннего торгово-экономического сотрудничества; Программа по расширению сотрудничества в нефтегазовой сфере; Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий; Соглашение о поставке в Республику Индию зенитных ракетных систем С-400 «Триумф» и т.д. [11].

По итогам встречи лидеры выступили с совместным заявлением «Партнерство ради мира и стабильности на планете». Заявление охватывает беспрецедентно широкий круг вопросов сотрудничества. Отдельным пунктом «Глобальный порядок и всеобщий мир» стороны выделили вопросы сотрудничества на международной арене. Основными темами стали:

- предотвращение возникновения «тихих гаваней» террористов и борьба с распространением террористической идеологии;
- обеспечение безопасности и устойчивое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);
- нестабильность на юго-востоке Украины;
- конфликт в Сирии;
- координация сотрудничества в рамках различных международных форумов, таких как «G20», Восточноазиатский саммит, форум «Азия – Европа»,

Региональный форум АСЕАН по безопасности, форум «Диалог по сотрудничеству в Азии» и т.д. [12].

В целом, обмен визитами происходит с беспрецедентной регулярностью. Помимо визитов глав государств ежегодно происходят контакты на уровне глав правительств и парламентов, а также контакты по линии советов безопасности и внешнеполитических ведомств. За годы, прошедшие с момента первого визита В. Путина в Нью-Дели в 2000 г., индийские премьер-министры посетили Россию 13 раз. Кроме того, лидеры государств регулярно встречаются в рамках многосторонних форумов, таких как “G20”, БРИКС и т.д.

Подводя итог, можно констатировать, что за последние 16 лет стороны создали внушительную договорную базу двусторонних отношений в различных областях, выработали схожие позиции по основным вопросам международного и регионального сотрудничества. И Россия и Индия выступают за создание многополярной системы международных отношений с главенствующей ролью ООН и соблюдением норм международного права. Кроме того, страны согласны в необходимости реформирования системы СБ ООН для более эффективной работы и адаптации организации к новым вызовам и угрозам международной безопасности. Общей является также проблема терроризма. Страны тесно сотрудничают по этому вопросу не только на полях международных форумов, но и в формате совместной рабочей группы по противодействию международному терроризму. В рамках этой темы стороны регулярно обсуждают вопросы, связанные с регионами, в которых высок риск распространения радикальных идей, в частности в Центральной Азии, на Ближнем Востоке и Афганистане. Помимо этого страны оперативно реагируют на изменение международной ситуации и появление новых угроз. Так, стороны выработали совместную позицию по проблеме международных санкций, ситуации в Украине и Сирии, а также по вопросам, связанным с появлением новых угроз, в связи со стремительным развитием ИКТ.

Заключение

Исходя из представленного анализа российско-индийских политических отношений с 2000 по 2016 г. можно сделать вывод, что на сегодняшний день страны действительно сформировали отношения особого и привилегированного стратегического партнерства. После подписания Декларации о стратегическом партнерстве интенсивность политических контактов и взаимодействие на высшем уровне сохраняется на беспрецедентно высоком уровне. К традиционным сферам сотрудничества, таким как энергетическое и военнотехническое сотрудничество, регулярно добавляются новые направления, и сегодня двустороннее сотрудничество охватывает все сферы, начиная от совместной работы над космическими проектами, заканчивая культурными свя-

зями. С уверенностью можно сказать, что российско-индийские отношения прошли испытание временем, на них не повлияли ни смена руководства, ни глобальные трансформации в мире. Российско-индийские отношения – это взаимовыгодные отношения дружбы и сотрудничества, которые содействуют формированию многополярной системы международных отношений и вносят вклад в стабильность в Азии и мире в целом.

© Акарашов И.С., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248.
- [2] Концепции внешней политики РФ от 28 июня 2000 года // Предпринимательское право. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_16974.html.
- [3] Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. 3.10.2000 г. // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/598800.
- [4] Визит Путина способствует развитию бизнеса. 09.03.2010 // Посольство РФ в Республике Индия. URL: http://rusembindia.com/rus/?option=com_content&view=article&id=582:putin-visit-spells-buziness&catid=16:press-on-bilateral-relations&lang=en.
- [5] Совместное заявление по итогам официального визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Республику Индия. 25.01.2007 // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3738>.
- [6] Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 года // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.
- [7] Совместная декларация между Российской Федерацией и Республикой Индией. 5.12.2008 // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/379>.
- [8] Визит Путина в Индию: контракты на 3 млрд долларов. 24.12.2012 // BBC News. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/12/121224_putin_india.
- [9] Заявления для прессы по итогам российско-индийских переговоров. 11.12.2014 // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47221>.
- [10] Совместное заявление Дружба–Дости: план по укреплению российско-индийского партнерства в течение следующего десятилетия. 11.12.2014 // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4790>.
- [11] Документы, принятые и подписанные в рамках российско-индийского саммита. 15.10.2016 // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5136>.
- [12] «Партнерство ради мира и стабильности на планете». Совместное заявление по итогам визита Президента Российской Федерации В.В. Путина в Республику Индию. 15.10.2016. Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5137>.

RUSSIA – INDIA: THE LEVEL OF CREDIBILITY NEEDS TO BE INCREASED

Ismail Akarashov

Peoples' Friendship University of Russia
10/2 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russia, 117198

The year 2017 promises to be a landmark one in the Russian-Indian relations, it is the 70th anniversary of diplomatic relations. It is noteworthy that even before India became independent, an official announcement was made on 13 April 1947 on the establishment of diplomatic relations between India and the Soviet Union. Indo-Russian relations are time-tested and based on continuity, trust and mutual understanding. Today states successfully cooperate in different spheres, including political, economic, military, scientific and technical, cultural and etc. After the disintegration of USSR India and Russia have expressed interest in further deepening and diversifying their close and multifaceted ties. A Declaration on Strategic Partnership between the Republic of India and the Russian Federation was signed during the State Visit of President Putin to India during October 2000. This document laid down the broad contours of Indo-Russian relations in the 21st Century. This article is devoted the evolution of Russian-Indian relations from 2000 to 2016. The author focuses on the analysis of political cooperation between the two countries on key international and regional issues.

Key words: Russia, India, state visit, cooperation, strategic partnership

REFERENCES

- [1] Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, November 30, 2016 // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248.
- [2] Russian Foreign Policy Concept, June 28, 2000 // *Predprinimatelskoye pravo*. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_16974.html.
- [3] Declaration on Strategic Partnership Between the Republic of India and the Russian Federation. 3.10.2000 г. // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcymvb/content/id/598800.
- [4] Putin visit spells business. 09.03.2010. // The Russian Embassy in the Republic of India. URL: http://rusembindia.com/rus/?option=com_content&view=article&id=582:putin-visit-spells-buziness&catid=16:press-on-bilateral-relations&lang=en.
- [5] Joint Statement on the outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin, President of the Russian Federation to the Republic of India. 25.01.2007 // Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3738>.
- [6] Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, July 12, 2008 // Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785>.

- [7] Joint Declaration by The Russian Federation and The Republic of India. 5.12.2008 // Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/379>.
- [8] Putin's visit to India: contracts for \$ 3 billion. 24.12.2012 // BBC News. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/12/121224_putin_india.
- [9] Press Statements following Russian-Indian talks. 11.12.2014 // Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/47221>.
- [10] Joint Statement Druzhba-Dosti: A Vision for strengthening the Indian-Russian Partnership over the next decade. 11.12.2014 // Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4790>.
- [11] Documents signed as a Result of the Russian-Indian Summit Talks. 15.10.2016 // Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5136>.
- [12] Partnership for Global Peace and Stability. Joint Statement during the Visit of President of the Russian Federation Vladimir Putin to the Republic of India. 15.10.2016. Presidential Administration of Russia. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5137>.

Сведения об авторе:

Акарашов Исмаил Сейдаминвич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

E-mail: i.akarashov@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-234-240

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕРБСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ

Индиана Пеич

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена историческому обзору идеологических предпосылок складывания сербско-русских отношений в период с XIX по XXI в. Автор дает ретроспективу основных идей, которые являются значимыми для развития сербско-русских отношений в данном периоде, и анализирует их влияние на взаимоотношения этих двух стран.

Цель настоящего исследования – выяснить идеологические основы сербско-русских отношений в указанный период. Автор приходит к выводу, что разные идеологии последовательно влияли на формирование и развитие сербско-русских общественно-политических связей и отношений в исследуемом периоде.

Ключевые слова: Сербия, Россия, отношения, идеология, славянофильство, панславизм, неоевразийство

В сербской и российской историографии развитие отношений между Сербией и Россией анализировалось как в аспекте общественно-политического и культурного сотрудничества, так и с точки зрения развития идеологических систем и программ панславизма, славянофильства, отношения сербских и русских общественно-политических деятелей, мыслителей, писателей [3].

В настоящее время в балканских государствах, а особенно в странах Западных Балкан, снова оживилась полемика славянофилов и западников, берущая начало еще в XIX в., поэтому мы считаем, что необходим краткий обзор и сербского, и российского идеологического наследия, в рамках которого следует выявить различия и противоречия двух политических и идеологических систем, т.е. двух концептуальных подходов, связанных со “славянофильством” и “западничеством” и возникших под влиянием ряда культурных, исторических и цивилизационных факторов.

Согласно так называемой западной, или неолиберальной концепции, будущее балканских стран связано с полной интеграцией в западные политические и экономические структуры и структуры безопасности. Запад рассматривается как «модель» и как друг. Кроме того, крах социалистического режима

СФРЮ должен был привести к фундаментальным, радикальным изменениям западно-балканских государств и обществ, которые должны были основываться на системе ценностей западной европейской демократии, носящих универсальный характер и применимых в любых социально-исторических условиях.

Согласно славянофильской идеологии центр славянского православного мира – это Россия, которой предназначено быть покровителем и защитником славян от враждебных им миров Запада и ислама. Согласно славянофильской концепции и Сербия и Россия представляют собой иной тип культурно-исторической формы в отличие от Запада. Провал коммунистической или социалистической идейно-политической концепции (которая, по мнению многих историков, является только историческим этапом в развитии сербского и российского общества и государства) создал предпосылки для начала нового этапа в эволюции славянской (сербской и русской) цивилизации. Что касается России, славянофильская концепция утверждает, что в постсоветской России западная система ценностей не может быть непосредственно применена – она неизбежно должна адаптироваться к специфике российской национальной идентичности и ее культурному образцу [13].

Таким образом, политика Запада или исламских стран на Балканах всегда воспринималась и до сих пор воспринимается как вторжение в пространство России, потому что возбуждает национальное сознание и создает ощущение опасности [9].

Далее рассмотрим панславизм, или славянское объединение и сотрудничество, являющийся политической и культурной идеологией, целью которой было объединить все славянские народы на основе этнической, культурной и языковой общности.

Идеи панславизма были характерны для российской общественно-политической мысли в XIX в. Особенно острым вопрос славянского единства стал в 60–80-е гг. XIX в. из-за национально-освободительной борьбы на Балканах, во время которой Россия оказывала непосредственную помощь южнославянским народам. Одновременно с активизацией политики на Балканах и стремлением российской общественности оказывать поддержку славянам в их борьбе с Турцией стали появляться концепции, в которых Балканам отводилось центральное место в российской геополитике [7].

При рассмотрении вопросов о славянском объединении нужно упомянуть идейное наследие таких русских мыслителей, как Н.Я. Данилевский, И.С. Аксаков и В.И. Ламанский, которые поддерживали балканское направление внешней политики и принимали активное участие в оказании помощи южным славянам. По мнению славянофила Н.Я. Данилевского, единство славянского мира является главным условием его существования как культурно-исторического типа, а также неперемным условием существования самой России [4]. Либералы того времени считали, что Н.Я. Данилевский чрезмерно идеализирует славянство. Присутствие Балкан в российской геополитике так-

же было в центре внимания известного русского публициста И.С. Аксакова, игравшего важную роль в организации поддержки балканских славян. Он считал, что идея славянства является источником политической силы России в Европе [1].

В.И. Ламанский, великий ученый, геополитик и идеолог панславизма, создатель исторической школы славистов, верил в особую роль России в славянском мире. Он всегда высказывался за единство славян под эгидой России, поскольку, по его мнению, русский народ составляет ствол всего славянского мира [5].

Уже в начале XX в. в России появилось разочарование как в идеях славянского единства, так и в роли России на Балканах. Газета «Русская земля» писала: «Народности, населяющие Балканы, не оправдали забот и жертв, понесенных за них Россией... России теперь впору заниматься только собой» [8].

Идеи славянского единства актуальны и в настоящее время, хотя их вид и границы значительно изменились с конца XIX столетия, когда единственным независимым славянским государством была Россия.

После обострения отношений между Югославией и СССР все славянские комитеты прекратили свою деятельность. Одним из вариантов панславизма является югославская идея.

Югославизм подразумевает веру в этническое, языковое и культурное единство южных славян, поддержку их объединения и/или убеждение в том, что южные славяне должны быть единой нацией [10].

Югославизм перенес тяжелый удар, когда в начале 1990-х гг. дошло до распада бывшей Югославии. Эти события ставили под угрозу любую концепцию общего государства южнославянских народов. С этого периода в качестве альтернативы югославизма начинает упоминаться Европейский Союз в качестве оптимальной политической и правовой основы для общей жизни южных славян.

Титоизм – этот термин относится к идеологии коммунистического взгляда на мир и к социально-политической системе бывшей Югославии в период, когда СФРЮ находилась под властью Иосипа Броза Тито. Сам термин не имеет официального использования в Югославии – отчасти потому, изначально его начали в негативном ключе употреблять советские пропагандисты сталинской эпохи. Они описывали титоизм как «предательство» фундаментальных принципов марксистско-ленинской, или коммунистической, идеологии. Во время своего правления Тито гордился независимостью Югославии от Советского Союза и открыто отвергал несколько аспектов сталинизма.

Жарко Видович, ведущий сербский историософ, четко указывал на тот факт, что титоизм был своего рода «проамериканским» коммунизмом. По его мнению, Броз Тито, пренебрегая сербским национальным чувством, сделал очень много для англо-американских интересов на Балканах [11]. Разногласия Тито и Сталина привели к эскалации сербофобии и русофобии, следствием чего стало отчуждение между двумя православными культурами.

Идеология сербского национализма базируется на анализе природы и целей сербского национализма, т.е. стремления сербского народа к единому национальному государству [14].

Сербский национализм является формой этнического национализма и отношением к продвижению интересов Сербии и сербского народа в целом. Он появился во время общего подъема национализма на Балканах во время турецкой оккупации. Его основоположниками считаются Вук Караджич и Илия Гарашанин, жившие в XIX в., а в настоящее время один из самых активных пропагандистов данной идеологии – Воислав Шешель.

По мнению депутата ЛДПР Алексея Островского, Шешель всегда выступал за развитие братских связей с Россией, и на протяжении многих десятилетий он является «надежным другом российского народа» [6].

Наконец, рассмотрим конкретные примеры влияния идей неоевразийства Александра Дугина на идеологические предпосылки развития сербско-русских отношений сегодня. Дугин является создателем идейно-политического течения – неоевразийства. Он – российский философ, геополитолог, идеолог и мистик, глава «Международного евразийского движения» и просербски настроенный деятель.

Во всех своих работах Дугин уделяет значительное внимание евразийскому движению, второе рождение которого произошло в 1980-х гг., а с 1991 г. благодаря его первым работам можно говорить о неоевразийстве. Он не остановился на создании политических и философских концепций, а начал активно непосредственно участвовать в политической жизни России. Он в соответствии со своими идеями назвал США единственным виновником распада СССР и СФРЮ.

В своей книге «Основы геополитики» он пишет, что «геополитическая перспектива сербов имеет прорусский, евразийский характер». Начиная с религиозных и этнических факторов, по мнению Дугина, Сербия фактически является геополитическим продолжением России на юге Европы.

На самом деле, по словам Дугина, не наивный и искусственный панславизм, провал которого прекрасно показал российский философ Константин Леонтьев, но проект Великой Евразии, с Россией как осью своего рода православного экуменического континентального неовизантизма, должен быть путеводной звездой настоящей сербской геополитики. Только в этом случае сербы смогут вернуться к своим корням и перестать быть марионеткой в руках атлантизма [12].

Заключение

Один из главных выводов настоящей работы состоит в том, что история сербско-русских отношений обозначена разными идеологиями, которые оказали очень большое влияние на становление и развитие отношений в исследуемом периоде.

Опираясь на идеологический опыт данных отношений, в статье особенно подчеркивается наличие существенных идеологических элементов российской политики на Западных Балканах и в Сербии – в разные времена этими идеологическими элементами были славянофильство, панславизм, коммунизм и неоевразийство.

Россия, как исторически наиболее могущественное из всех славянских государств, играла определенную роль в процессе достижения славянского единства, вследствие чего балканский регион и населяющий его славянский и сербский народ стали геополитически важным для России. При этом подчеркивалась важность укрепления позиции России на Балканах и создания общеславянского союза для противостояния Западу.

Даже если Сербия в ходе своей истории возвращалась к Западу, то в основе этого лежали только прагматичные экономические причины. Что же касается духовных ценностей, страна всегда ориентировалась на восток [2]. Судьба сербов и судьба русских на геополитическом уровне одна и та же. Поэтому Сербии, чтобы вернуться к истокам своей европейской миссии, необходимо повернуться на восток, к Евразии, чтобы понять смысл и цели российской геополитики [12].

© Пеич И., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аксаков И.С. Сочинения. Т. 2. Славянофильство и западничество. 1860–1886. М., 1886. С. 787.
- [2] Бешлин М. Русофильство на выборах в Сербии – традиция или новый тренд. URL: <http://glob-news.com/rysofilstvo-na-vyborah-v-serbii-tradicija-ili-novyi-trend.html>.
- [3] Гуськова Е. Выступление на научных чтениях, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасёва, 2 февраля 2002 г. // Югославянская история в новое и новейшее время. М.: МГУ, 2002. С. 70–82.
- [4] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 475.
- [5] Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871. [1], IV. С. 316
- [6] Островский А. Это друг всего российского народа // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. Ruskline.ru. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2006/11/17/to_drug_vsego_rossijskogo_naroda.
- [7] Ромашов Ю.В. Кризис идеи славянского единства в конце XIX – начале XX в. в российском обществе // Власть. 2013. № 2.
- [8] Русская земля. 1908. 10 окт.
- [9] Задохин А., Гуськова Е. Политика России на Балканах после Милошевича // Обозреватель. URL: http://observer.materik.ru/observer/N10-11_00/10-11_09.htm.
- [10] Djilas A. *Osporavana zemlja: Jugoslovenstvo i revolucija*, Književne novine, 1990. S. 37.

- [11] Димитријевић В. Титоизам и русофобија у култури – како опет да смо заједно? / Центар академске речи, Шабац. URL: <http://www.carsa.rs/titoizam-i-rusofobija-u-kulturi-kako-opet-da-smo-zajedno>.
- [12] Dugin A. Osnovi geopolitike. Ekopres, Zrenjanin, 2004.
- [13] Курјак Ј. Политичке промене у Русији 1990–1996. 2000. С. 41.
- [14] Шешељ В. Идеологија српског национализма: научно и публицистичко дело проф. Др. Лазе М. Костића. Београд: Велика Србија, 2002.

IDEOLOGICAL CONDITIONS FOR FORMATION AND DEVELOPMENT OF SERBIAN-RUSSIAN RELATIONS

Indiana Pejic

Peoples' Friendship University of Russia
Department of Theory and History of International Relations
10/2 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to a historical review of the ideological conditions of Serbian-Russian relations in the period from the 19th to the 21st centuries. The author gives a retrospective of the main ideologies which are significant for the development of Serbian-Russian relations in this period, and also analyzes their influence on the relationship between these two countries.

The subject of the study are the ideological conditions for the formation and development of Serbian-Russian relations.

The aim of the study is to find out the ideological foundations of the Serbian-Russian relations in the last three centuries. In this regard, the following task is supposed to be solved: to make an analysis of political and cultural-ideological factors.

The author comes to the conclusion that different ideologies consistently in their own way influenced the formation and development of Serbian-Russian socio-political ties and relations within the period of the last three centuries.

Key words: Serbia, Russia, relations, ideology, Slavophilism, pan-Slavism, neo-Eurasianism

REFERENCES:

- [1] Aksakov I.S. Sochineniya. T. 2. Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo [The Slavophilism and The Westernism 1860–1886]. M., 1886. S. 787.
- [2] Beshlin M. Russofil'stvo na vyborakh v Serbii-traditsiya ili novyy trend [Russophilism on elections in Serbia-tradition or new trend]. URL: <http://glob-news.com/rysofilstvo-na-vyborah-v-serbii-tradiciia-ili-novy-trend.html>.
- [3] Danilevskiy N.YA. Rossiya i Yevropa [Russia and Europe]. M.: Kniga, 1991. S. 475.
- [4] Lamanskiy V.I. Ob istoricheskom izuchenii greko-slavyanskogo mira v Yevrope [Historical studies of Greek-Slavic world in Europe]. SPb.: Tip. Maykova, 1871. [1], IV. S. 316.

- [5] Gus'kova Ye. Vystupleniye na nauchnykh chteniyakh, posvyashchonnykh 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.G. Karasova, 2 fevralya 2002 g. // *Yugoslavianskaya istoriya v novoye i noveysheye vremena* [Yugoslavia's history in modern period]. M.: MGU, 2002. S. 70–82.
- [6] Ostrovskiy A. Eto drug vsego rossiyskogo naroda [It's a friend of all Russian people] // *Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba*. Ruskline.ru. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2006/11/17/to_drug_vsego_rossijskogo_naroda.
- [7] Romashov YU.V. Krizis idei slavyanskogo yedinstva v kontse XIX – nachale XX v. v rossiyskom obshchestve [Crisis of Slavic idea of unity at the end of XIX and beginning of XX century] // *Vlast'*. 2013. № 2.
- [8] *Russkaya zemlya*. 1908. 10 okt.
- [9] Zadokhin A., Gus'kova Ye. Politika Rossii na Balkanakh posle Miloshevicha [Russian politics on the Balkans after Miloshević] // *Obozrevatel'*. URL: http://observer.materik.ru/observer/N10-11_00/10-11_09.htm.
- [10] Djilas A. Oспоравана zemlja: Jugoslovenstvo i revolucija [Disputed Country: Yugoslav Nationalism and Revolution] // *Književne novine*, 1990. P. 37.
- [11] Dimitrijević V. Titoizam i rusofobija u kulturi- kako opet da smo zajedno? [Titoism and russophobia in culture-how is it possible that we are back together again?] / *Tsentar akademske reči, Shabats*. URL: <http://www.carsa.rs/titoizam-i-rusofobija-u-kulturi-kako-opet-da-smo-zajedno>.
- [12] Dugin A. Osnovi geopolitike [Basics of Geopolitics], Ekopres, Zrenjanin, 2004.
- [13] Kurjak J. Politichke promene u Rusiji 1990–1996 [Political changes in Russia 1990–1996]. Institut za medjunarodnu politiku i privredu, Beograd, 2000. P. 41.
- [14] Sheshef V. Ideologija srpskog natsionalizma [Ideology of Serbian nationalism]: nauchno i publitsistichko delo prof. Dr. Laze M. Kostića. Beograd: Velika Srbija, 2002.

Сведения об авторе:

Пеич Индиана – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

E-mail: indiana.pejic@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-241-251

ВКЛАД ФРАНСИСКО ХАВЬЕРА КЛАВИХЕРО В ФОРМИРОВАНИЕ КРЕОЛЬСКОГО ПАТРИОТИЗМА НОВОЙ ИСПАНИИ

И.Ю. Веселова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматриваются проявления основных аспектов креольского патриотизма Новой Испании в работах мексиканского мыслителя Франсиско Хавьера Клавиhero. К этим аспектам относятся национальные символы, интерес к природе и географии региона, а также исследования доколумбового прошлого. Для понимания замыслов Клавиhero автор статьи обратился к историческому контексту. В статье были проанализированы некоторые факторы, повлиявшие на формирование национального самосознания в мексиканском обществе. Среди них автор выделил расцвет мексиканской науки во второй половине XVIII в., положение креолов в колониальной иерархии и отношение европейцев к Новому Свету и его жителям. Собранный информация позволила автору выявить почву, на которой сформировались патриотические взгляды мексиканского мыслителя. В связи с этим в статье также затрагиваются вопросы о национальном самосознании Клавиhero, о его восприятии Новой Испании как родины и его связи с мексиканским обществом. Автор отметил, что основной заслугой Клавиhero стало развенчание мифов о Новом Свете, и в частности о Мексике, а также помещение древних индейских культур в один ряд с культурами Античности.

Ключевые слова: Мексика, Клавиhero, Новая Испания, креолы, патриотизм, национализм, иезуиты

Введение. К концу XVIII в. стало очевидно, что в Новом Свете назревает время больших перемен. Революционные настроения, вылившиеся впоследствии в войну за независимость, имели ряд серьезных предпосылок. Не только политических, экономических и социальных, но и культурных. Синтез европейских, испанских идей и индейских традиций создал благоприятную почву для формирования идеологии сторонников независимости Новой Испании [1. Р. 169]. Тема становления мексиканской нации остается одной из ключевых тем мексиканской историографии. Ее неотъемлемой частью является проблема формирования креольского патриотизма, на базе которого впоследствии вырос мексиканский национализм. Данная статья посвящена характерным

чертам креольского патриотизма и роли, которую сыграл в его формировании Франсиско Хавьер Клавихеро (1).

Исследование проблемы. Основными авторами, исследовавшими такие явления, как мексиканский национализм и креольский патриотизм, являются историки Д. Брэдинг, Ж. Лафайе и Э. Флорескано [2; 3; 4; 5]. В их работах формирование креольского патриотизма рассматривается как длительный исторический процесс, обусловленный множеством политических и социокультурных факторов. Поскольку в данной статье мы обратимся к фигуре Франсиско Клавихеро, следует упомянуть таких авторов, как Ч. Ронан и М. Леон-Портилья [6, 7]. Их работы дают нам представление о жизни и творчестве мексиканского мыслителя, а также частично затрагивают вопрос о его патриотических чувствах. В отечественной историографии мексиканский национализм обычно упоминают в связи с Войной за независимость [1], а вопрос о креольском патриотизме и вовсе выпадает из поля зрения отечественных исследователей.

Прежде чем говорить о креольском патриотизме, следует дать определение этому термину. Креольский патриотизм – это социальное чувство, возникшее у креолов в попытке самоидентификации, осознание себя как отдельной группы с собственной культурой и территорией, а также желание защищать интересы этой группы. Можно выделить три важнейшие составляющие процесса формирования креольского патриотизма: осознание связи с определенной территорией, обращение к индейскому прошлому и создание национальных символов [5. Р. 270].

По мнению Дэвида Брэдинга, первые ростки креольского патриотизма появились еще на рубеже XVI–XVII вв., когда в среде потомков испанских конкистадоров, рожденных в Новом Свете, возникло недовольство тем, что Корона не сдержала свое обещание создать дворянское сословие в колониях [2. Р. 14–16]. Креол оказался «обездоленным наследником». С течением времени к этому противоречию добавились и другие. Во второй половине XVIII столетия процесс формирования креольского патриотизма достиг своей кульминации. Окончательно оформились некоторые национальные символы, широкий размах приобрело изучение природы и географии региона, а также появились блестящие работы, посвященные доколумбовому прошлому. Эти аспекты и связь Клавихеро с ними стоит рассмотреть подробнее.

Во второй половине XVIII в. метрополия приложила усилия для установления четких границ Новой Испании. Были ликвидированы английские поселения на Москитовом берегу, а также отправлены экспедиции в северные провинции Сонора, Калифорнию и Техас [8. Р. 401]. Испания пыталась таким образом продемонстрировать свою мощь в качестве колониальной державы. Наряду с колониальной политикой, направленной на упорядочение владений, в самом вице-королевстве начался процесс осознания собственной территории и своего места в мире.

Сбор информации о территории, флоре и фауне Нового Света, шедший на протяжении двух предыдущих столетий, с середины XVIII в. развернулся еще шире на волне растущего интереса местного населения. Интерес этот был обусловлен рядом факторов. С одной стороны, – практическими соображениями. Освоение новых земель сулило экономическую выгоду. С другой стороны, – научным интересом. Увеличилось число экспедиций в отдаленные, приграничные районы страны, проводились картографические работы. В 1748 г. была впервые опубликована карта территории Мексики, составлением которой еще в предыдущем веке занимался Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора (2). Позже Хосе Антонио Альсате (3) добавил в нее новые данные и в 1768 г. отправил в Королевскую Академию наук в Париже [5. Р. 271]. В процессе сбора данных, составления карт и списков растений и животных жители Новой Испании начали осознавать эту землю своей, связывать себя с ней.

Толчком к изучению естественной истории также послужили публикации европейских авторов. Многие из них никогда не были в Америке и описывали ее климат, флору, фауну и местных жителей, основываясь на фантастических заметках путешественников. По словам Клавихеро, он принялся за «Древнюю историю Мексики», чтобы «избежать досадной и преступной праздности, к которой приговорен; чтобы послужить своей родине, насколько позволяют силы, и чтобы восстановить во всей ее полноте правду, игнорируемую немислимой толпой современных писателей, повествующих об Америке...» [9. Р. VI]. К этой «толпе современных писателей» относились французские авторы Бюффон и Райналь, англичанин Робертсон и другие. Они критиковали климат, природу, а также физиологию и умственные способности жителей Нового Света. Среди них больше всех выделялся прусский аббат (голландец по происхождению) Корнелиус де Поу. Его работа под названием «Философские изыскания об американцах» была написана в 1768–1769 гг. Поу изобразил новый континент убогим, не идущим ни в какое сравнение с Европой, а индейцев – деградировавшими созданиями. Более того, автор счел климат Америки настолько губительным, что, по его мнению, сами креолы начали деградировать под его воздействием: «Наконец, мы пришли к тому, что можем смело утверждать, что креолы в четвертом, пятом поколении менее умны, менее способны к наукам, чем истинные европейцы...» [10. Р. 165].

Произведение Поу стало одним из главных импульсов к изданию «Древней истории Мексики». Оно стремительно распространилось по Европе и достигло Италии как раз в тот период, когда Клавихеро уже начал собирать материал для своей будущей книги [11. Р. 158]. Поу изобразил Америку и ее коренных жителей в столь неприглядном свете, что Клавихеро был возмущен. В качестве опровержения он написал девять кратких заметок (озаглавленных как «диссертации»), которые впоследствии добавил к основной части своей работы.

География и природа Новой Испании не являлись основной темой для Клавихеро. Включить ее в «Древнюю историю Мексики» его убедили друзья.

Следуя за общими настроениями, а также опровергая домыслы европейцев, он посвятил первую книгу работы естественной истории региона. Сам автор не видел необходимости в этом разделе и полагал, что некоторые персоны «сочтут его неуместным» [9. Р. VII]. Чтобы не отступать от темы, Клавихеро постарался вписать природные ресурсы, флору и фауну в исторический контекст, рассказав, как их использовало коренное население. Мексиканский мыслитель отметил, что даже для сбора таких отрывочных сведений ему пришлось приложить много усилий, поскольку его личный опыт и знание региона оказались недостаточными [9. Р. VII]. По мнению Клавихеро, тема географии и природы заслуживала отдельного серьезного исследования.

К изучению окружающего пространства добавилась временная составляющая. Уже в XVII в. начали появляться первые работы, обосновывающие преемственность Америки по отношению к Европе. В 1648 г. был опубликован труд Мигеля Санчеса под названием «Образ Девы Марии, Матери Божьей Гваделупской, чудесным образом явившейся в Мехико» [12]. В этой и других подобных работах прослеживалось традиционное креольское убеждение о том, что Америка была истинным местом положения Рая, и ее предназначение заключалось в спасении от разложения и жестокости, от которых страдала Европа. В представлении Санчеса Конкиста стала сражением между силами зла в лице индейцев и божественными посланниками в лице конкистадоров. Последним в битве покровительствовала Дева Мария. Речь шла о той самой Деве Марии Гваделупской, которая по легенде явилась впоследствии мексиканскому крестьянину индейского происхождения Хуану Диего.

Работа Санчеса была традиционной апологетикой деятельности церкви в Новом Свете. Однако в ней проявился один важный аспект, дающий нам представление о том, как формировались первые национальные символы. Санчес популяризировал образ Девы Марии – защитницы Мексики. Культ достиг своего апогея век спустя в 1746 г., когда делегаты от всех диоцезов Новой Испании собрались, чтобы объявить Деву Марию Гваделупскую своей общей покровительницей [3. Р. 2]. Решение было одобрено Святым Престолом в 1754 г. Несмотря на библейский образ Девы Марии, этот символ трудно назвать заимствованным, поскольку речь шла о ее явлении на территории Новой Испании.

Клавихеро не мог обойти стороной столь важный религиозный символ. Последняя его работа, написанная незадолго до смерти, представляла собой краткое повествование о явлении Девы Марии Гваделупской, распространении ее культа и чудесах, творимых ее образом. Эта работа раскрывает перед нами два важных аспекта: патриотическое чувство, присутствовавшее у Клавихеро, а также его глубокое почитание религиозных символов. Падре Франсиско отметил, что «можно бесконечно перечислять все благодеяния, которыми Мексика обязана Деве Марии Гваделупской» [13. Р. XXXV]. Работа была опубликована на итальянском языке. Клавихеро, как и другие авторы-иезуиты в изгнании, познакомил Европу с зарождавшимися мексиканскими символами.

Помимо оригинальных были также заимствованные и впоследствии адаптированные символы. Один из примеров – Святой Хуан Непомусено. Фигура Святого Хуана Непомусено приобрела особое значение в среде иезуитов Новой Испании к середине XVIII в. История жизни чешского Святого Иоанна Непомука привлекла внимание мексиканского иезуита Хуана Антонио де Овьедо [14. Р. 174]. В 1727 г. он написал и опубликовал биографию мученика. Его коллега-иезуит Антонио Темпис, находившийся в миссии в Калифорнии, проповедовал Священное писание среди индейцев перику. К 1736 г. волнения среди индейцев прекратились. Темпис написал в своих заметках, что в деле христианизации ему помогла история жизни Хуана Непомусено [14. Р. 149]. Популярность культа Непомусено быстро росла. Он распространился из миссий с севера страны в церкви крупных городов, а затем проник и в повседневную жизнь жителей колонии. В описи живописи, оставшейся после смерти Бласа Клавихеро, отца Франсиско, фигурируют несколько изображений Святого Хуана Непомусено [15. Р. 67]. Чешский мученик стал защитником от клеветы, наговоров и оскорблений.

Еще будучи на родине, Клавихеро сделал перевод с итальянского языка жития Непомусено, написанного Чезаре Калино. Книга была опубликована в Мехико в 1762 г. Появление этого перевода было связано со скандалом, разразившимся после публикации в 1761 г. «Поучительных воспоминаний» – по-смертной биографии Мануэля Клавихеро, младшего брата Франсиско. Негативная реакция одного из родственников, представленного в сочинении не с лучшей стороны, стала для Клавихеро испытанием. В ожидании разрешения сложившейся ситуации он обратился к жизни Святого Хуана Непомусено, покровителя священнослужителей и защитника от клеветы. Со стороны мексиканского мыслителя это был знак признательности Непомусено, поскольку он «ощутил на себе воздействие его благодати» [16. Р. II]. Для Клавихеро, желавшего очистить свое имя после скандала с «Поучительными воспоминаниями», Святой Хуан Непомусено стал символом стойкости. С того момента образ Святого Хуана неоднократно проявлялся в его жизни, особенно в связи с изгнанием и упразднением Ордена. Ссылка побудила Клавихеро, как и других мексиканских иезуитов, еще больше ассоциировать себя с фигурой чешского мученика [14. Р. 175]. Любопытно, что Непомусено также являлся одним из покровителей Университета Мехико, которому Клавихеро посвятил «Древнюю историю Мексики».

Образ Святого Хуана Непомусено – пример «импорта» и адаптации культа, с добавлением собственных ритуалов. Это была распространенная для иезуитов практика [17. Р. 403]. С одной стороны, она способствовала культурному обмену, а с другой порождала новые символы для самоидентификации.

Теперь перейдем к вопросу об истории. Историография эпохи Просвещения, изучавшая мексиканские древности, была наследницей историографии XVI–XVII вв., посвященной доколумбовым культурам. Эти хроники, казалось, угасли в первой половине XVIII столетия, но в середине века данная тематика

снова вызвала живой интерес. Во второй половине XVIII в. в вице-королевстве было в три раза больше историков, чем в первой [18. Р. 540]. Наметилась тенденция секуляризации истории. В работах появилась рациональная критика. Авторы стали уделять больше внимания источникам.

Повышенный интерес к доиспанской культуре в среде образованных мексиканцев XVIII в. был связан со стремлением наделить креолов собственным прошлым. Авторы эпохи Просвещения посмотрели на индейца по-новому, отыскивая нить, связавшую эпохи. Мексиканские историки второй половины XVIII в. «присвоили» доколумбово прошлое, превратили его в собственные корни, раскрывая связь времен. Кроме того, они нашли в прошлом господство иррационального, тем самым подчеркнув достижения их собственного времени [18. Р. 541].

Если в плане исследования природы и географии Новой Испании, а также создания национальных символов вклад Клавиhero не выглядит столь явным, то в плане защиты индейского прошлого перед лицом нападков европейцев мексиканский мыслитель, без сомнения, сделал очень много.

Как мы уже отметили выше, свою «Древнюю историю Мексики» Клавиhero написал в ответ на работы европейцев, представлявших Америку и ее жителей в дурном свете. Его работа повествует об истории коренного населения долины Анауак, их культуре и религии. В опровержение слов Поу, которого он избрал основным оппонентом, Клавиhero привел массу выдержек из работ различных мексиканских авторов, в том числе индейского происхождения, а также из свидетельств миссионеров и конкистадоров. Мексиканский мыслитель не сомневался в рациональности индейцев. Он считал, что «вся древняя история мексиканцев показывает, что они умеют думать и упорядочивать свои мысли» и что европейцы не имели перед ними никакого преимущества, кроме более развитого производства [19. Р. 224].

Клавиhero беспокоился, что книга Поу может оказать дурное влияние на читающих, создать неверное представление о Америке и ее жителях. Он постарался сделать все, чтобы изменить представление европейцев об Америке, и в частности о Мексике. Энрике Флорескано назвал «Древнюю историю Мексики» «манифестом креольского сознания» [5. Р. 279]. Опираясь на источники и личный опыт, Клавиhero показал европейцам, что жители Америки ничуть не хуже их, а древние индейские культуры сопоставимы с европейскими культурами Античности. Работа Клавиhero, написанная уже в изгнании в Италии, имела большой успех в Европе. Чуть позже она дошла до Новой Испании, где также вызвала живой интерес среди местных интеллектуалов.

Мы рассмотрели три главных аспекта формирования креольского патриотизма, которые позволили жителям Новой Испании обозначить свою территориальную, духовную и историческую автономию. Мы определили, какую роль сыграл Клавиhero в этом процессе. Однако остался еще один важный вопрос, связанный с данной темой: насколько Клавиhero осознавал себя мексиканцем?

Главной предпосылкой для отдаления от Испании стало смешение культур. Клавихеро, как и многие креолы, рос в условиях, формировавших двойную идентичность. С самого раннего детства он оказался погружен в смешанную культурную среду. Европейские, и в частности испанские традиции, к которым ему привили любовь в семье, сочетались с индейской культурой, окружавшей его в повседневной жизни.

Дополнительным стимулом для рефлексии о собственной идентичности было отношение испанцев к креолам. Они смотрели на креолов свысока, что побуждало креолов видеть в испанцах чужаков. Однако этот процесс формирования национальной идентичности шел очень медленно, на протяжении нескольких столетий, и продолжался даже после завоевания независимости.

Латиноамериканские иезуиты, креолы по происхождению, уже не были чистыми испанцами, но еще не стали чистыми американцами. Как отметил Мигель Батолри, они находились в «преднациональной регионалистской фазе» [20. Р. 578]. Жак Лафайе уточнил, что это высказывание верно, если мы подразумеваем под «нацией» особого рода общность, «характеризующуюся интеграцией различных этнических сообществ, объединенную добровольными политическими узами, общими интересами и общим эмоциональным наследием» [4. Р. 109]. Замечание о «преднациональной регионалистской фазе» верно и для Клавихеро.

Клавихеро, безусловно, сознавал свою принадлежность к мексиканскому обществу. В своих заметках он неоднократно употреблял слово «родина» в отношении Новой Испании. В своем обращении к Университету Мехико он написал, что его «Древняя история Мексики» – это «история Мексики, написанная мексиканцем» [9. Р. III]. Однако далее, на протяжении всего повествования, он употреблял слово «мексиканец» только в отношении индейцев. В одной из своих диссертаций Клавихеро подчеркнул: «Я рожден от испанских родителей и не имею никакого родства с индейцами, и не ожидаю никакого вознаграждения от их несчастного положения» [19. Р. 208]. В связи с этим возникает более сложный вопрос: насколько Клавихеро отделял себя от испанцев? В прологе к «Древней истории Мексики» он соотнес себя как с креолами, так и с испанцами, называя и тех и других «соотечественниками» [9. Р. VII–VIII]. При этом в тексте присутствует четкое разделение между указанными группами. Жак Лафайе пришел к выводу, что в данном случае Клавихеро определил себя испанцем по крови, но мексиканцем-креолом по территориальному происхождению [4. Р. 108]. Кроме того, Клавихеро относил себя к креолам как к отдельной социальной прослойке. В его восприятии мексиканское общество представляло собой некую общность, объединяющую разные социальные группы. Почему же тогда он назвал себя «мексиканцем» в обращении к университетским коллегам? Клавихеро специально подчеркнул, что является «мексиканцем», чтобы обозначить свою тесную связь с Новой Испанией и ее жителями. Таким способом он демонстрировал, что может рассказать правдивую историю страны, в которой родился и жил долго время,

в отличие от европейских авторов, которые никогда не были в Новом Свете. Также можно предположить, что Клавихеро чувствовал общие настроения в колониальном обществе и, что еще более важно, в среде мексиканских интеллектуалов.

Заключение. Благодаря работам мексиканских авторов второй половины XVIII в. к патриотическому чувству креолов добавился «научный национализм», способствовавший еще большему отдалению от Испании [21. Р. 34]. Однако следует подчеркнуть, что корни нового знания были европейскими. Идеи Просвещения упали на благодатную почву. Они были переработаны колониальными мыслителями и адаптированы под особые местные реалии. Длительный процесс развития науки в колонии привел к ее расцвету во второй половине XVIII в., ускорившему движение к независимости страны.

Клавихеро внес опосредованный вклад в формирование креольского патриотизма. Его работы были так или иначе связаны со всеми тремя рассмотренными составляющими креольского патриотизма, в меньшей степени с осознанием территории и символов, в большей – с возведением индейского прошлого в один ряд с европейским. Основные работы Клавихеро были опубликованы в Европе, и первой с ними познакомилась европейская публика. В попытке показать европейскому обществу, что мексиканское общество ничем не хуже, он неосознанно провел еще более отчетливую границу между ними. Мы не можем назвать Клавихеро одним из основоположников мексиканского национализма, поскольку сам он не высказывал никаких радикальных идей и не поддерживал антииспанские настроения. Однако его работы сыграли важную роль в процессе восприятия мексиканцами собственного исторического наследия и дали пищу для размышлений будущим идеологам независимости страны.

© Веселова И.Ю., 2017

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Франсиско Хавьер Клавихеро (1731–1787) – мексиканский историк, философ, член Ордена иезуитов, написавший «Древнюю историю Мексики», один из наиболее известных трудов по доколумбовому прошлому страны. В 1767 г. вместе с другими иезуитами, изгнанными из испанских владений, был выслан в Италию, где провел остаток жизни.
- (2) Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора (1645–1700) – мексиканский мыслитель, эрудит, интересовавшийся самыми разными областями знания: математикой, астрономией, картографией, агрономией, физикой и историей. Он собрал обширную коллекцию книг и исторических документов, в том числе индейского происхождения.
- (3) Хосе Антонио Альсате (1737–1799) – мексиканский мыслитель, эрудит, деятель мексиканского Просвещения. Занимался выпуском одного из первых научных периодических изданий Новой Испании – *El Diario Literario de México*.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Война за независимость Латинской Америки. М.: Наука, 2011. 422 с.
- [2] Brading D.A. Los orígenes del nacionalismo mexicano. México: Secretaría de Educación Pública, 1973. 223 p.
- [3] Brading D.A. Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Vol. VI. Birmingham: The University of Birmingham, 1995. P. 1–18.
- [4] Lafaye J. Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness 1531–1813. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. 336 p.
- [5] Florescano E. Historia de las historias de la nación mexicana. México: Taurus, 2002. 530 p.
- [6] Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731–1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. 535 p.
- [7] León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 605–642.
- [8] Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 389–440.
- [9] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. I / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 285 p.
- [10] Pauw C. de. Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. Berlin, 1769. 550 p.
- [11] Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México: UNAM, 1956. 292 p.
- [12] Sánchez M. Imagen de la Virgen María, madre de Dios de Gvadalupe, milagrosamente aparecida en la Ciudad de México. México: Imprenta de la viuda de Bernardo Calderos, 1648. 217 p.
- [13] Clavigero F.S. Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico. Cesecna, 1782. 39 p.
- [14] Cuadrillero J. El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno // Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas. Vol. XXXIII. Num. 99. México: Instituto de Investigaciones Estéticas, 2011. P. 137–179.
- [15] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y aprecio de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 26, 35, vta. 37 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 64–68.
- [16] Clavigero X.M. Prólogo del traductor // Calino C. Compendio de la vida, muerte y milagros de San Juan Nepomuceno. México: Imp. del Real y más antiguo colegio de S. Ildefonso, 1762. 96 p.
- [17] Torales Pacheco M.C. Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, № 14. México: Destiempos, 2008. P. 397–412.
- [18] Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados novohispanos // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 523–541.
- [19] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. II / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 321 p.

- [20] Batllori M. *La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos*. Madrid: Gredos, 1967. 698 p.
[21] Saldaña J.J. *Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica*. Madrid: Ediciones Doce Calles, S.L., 1995. P. 19–49.

CLAVIJERO'S CONTRIBUTION TO THE FORMATION OF THE CREOLES' PATRIOTISM OF NEW SPAIN

Irina Veselova

Peoples' Friendship University of Russia
Department of World History
10/2 Miklukho-Maklay St., Moscow, Russia, 117198

In this article we describe the major aspects of Creole patriotism in New Spain in the works of Mexican thinker Francisco Javier Clavijero. Among these aspects are national symbols, interest in region's nature and geography, as well as the pre-Columbian past studies. For understanding the ideas of Clavijero the author requested the historical context. In this article were analyzed some factors affecting the process of formation of a nation identity in Mexican society. Among them the author highlighted rising of the Mexican science in the second half of XVIII century, creoles position in colonial hierarchy and European's attitude towards the New World and its inhabitants. The information collected has enabled the author to pinpoint field in which patriotic views of the Mexican thinker were formed. In this, article also showed aspects about Clavijero's own national identity, about his perception of New Spain like homeland and his connections with Mexican society. The author noted that Clavijero's major contribution was countering myths about the New World, in particularly about Mexico and also he could put old Amerindian cultures in one range with ancient European cultures.

Key words: Mexico, Clavijero, New Spain, patriotism, nationalism, Creoles, Jesuits, Enlightenment

REFERENCES

- [1] *Vojna za nezavisimost' Latinskoj Ameriki [War for the Independence of Latin America]*. Moscow: Science, 2011. 422 p.
[2] Brading D.A. *Los orígenes del nacionalismo mexicano*. México: Secretaría de Educación Pública, 1973. 223 p.
[3] Brading D.A. *Patriotismo y nacionalismo en la historia de México // Actas del XII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas*. Vol. VI. Birmingham: The University of Birmingham, 1995. P. 1–18.
[4] Lafaye J. *Quetzalcóatl and Guadalupe. The formation of Mexican National Consciousness 1531–1813*. Chicago: The University of Chicago Press, 1976. 336 p.
[5] Florescano E. *Historia de las historias de la nación mexicana*. México: Taurus, 2002. 530 p.

- [6] Ronan Ch. E. Francisco Javier Clavigero, S.J. (1731–1787): figura de la ilustración mexicana, su vida y obras. Guadalajara: Universidad de Guadalajara, 1993. 535 p.
- [7] León-Portilla M. Francisco Xavier Clavijero // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 605–642.
- [8] Brading D.A. Bourbon Spain and its American Empire // The Cambridge History of Latin America. Vol. I. Colonial Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 389–440.
- [9] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. I / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 285 p.
- [10] Pauw C. de. Recherches philosophiques sur les Américains, ou, Mémoires intéressantes pour servir à l'histoire de l'espece humaine. Vol. II. Berlin, 1769. 550 p.
- [11] Maneiro J.L., Fabri M. Vidas de mexicanos ilustres del siglo XVIII. México: UNAM, 1956. 292 p.
- [12] Sánchez M. Imagen de la Virgen María, madre de Dios de Gvadalupe, milagrosamente aparecida en la Ciudad de México. México: Imprenta de la viuda de Bernardo Calderos, 1648. 217 p.
- [13] Clavigero F.S. Breve ragguaglio della prodigiosa e rinomata immagine della Madonna di Guadalupe del Messico. Cesecna, 1782. 39 p.
- [14] Cuadrillero J. El padre Clavijero y la lengua de san Juan Nepomuceno // Anales del Instituto de Investigaciones Estéticas. Vol. XXXIII. Num. 99. México: Instituto de Investigaciones Estéticas, 2011. P. 137–179.
- [15] Arch. Gral. De Notarias, Puebla: Notaria 6: 1752: “Autos de inventarios y aprecio de los bienes que quedaron por muerte del general don Blas Clavijero...”: 26, 35, vta. 37 // Castro Morales E. Documentos relativos al historiador F.J. Clavijero y su familia. Estudio y selección. Puebla: Ayuntamiento de Puebla de Z., 1970. P. 64–68.
- [16] Clavigero X.M. Prólogo del traductor // Calino C. Compendio de la vida, muerte y milagros de San Juan Nepomuceno. México: Imp. del Real y más antiguo colegio de S. Ildefonso, 1762. 96 p.
- [17] Torales Pacheco M.C. Los jesuitas y la independencia de México: algunas aproximaciones // Destiempos, №14. México: Destiempos, 2008. P. 397–412.
- [18] Moreno de los Arcos R. Los historiadores ilustrados novohispanos // Historiografía mexicana. Vol. II. T. 1. La creación de una imagen propia. La tradición española. México: UNAM, 2012. P. 523–541.
- [19] Clavigero F.J. Historia antigua de México y de su conquista, sacada de los mejores historiadores españoles y de los manuscritos y pinturas antiguas de los indios. T. II / trad. del italiano por J. Joaquín de Mora. México: Imp. de Lara, 1844. 321 p.
- [20] Batllori M. La cultura hispano-italiana de los jesuitas expulsos. Madrid: Gredos, 1967. 698 p.
- [21] Saldaña J.J. Ilustración, ciencia y técnica en América // La Ilustración de América Colonial. Bibliografía crítica. Madrid: Ediciones Doce Calles, S.L., 1995. P. 19–49.

Сведения об авторе:

Веселова Ирина Юрьевна – аспирант кафедры Всеобщей истории РУДН.
E-mail: Irinaxochitl@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-252-258

СОВЕТСКИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ИХ РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ИСПАНСКИХ ЭМИГРАНТОВ В СССР

А.А. Арутюнов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению деятельности определенных структур (уже существовавших и только созданных) на территории СССР в отношении испанских эмигрантов, прибывших в Советский Союз в ходе и по окончании Гражданской войны 1936–1939 гг., закончившейся падением Второй Республики и установлением франкистского режима. Автор отводит особое место необходимости функционирования подобных образований в жизни испанской эмиграции в СССР ввиду ее особой сущности, связанной с исключительностью исторического пребывания испанцев на территории современной России. В статье рассматриваются аспекты социальной и экономической помощи, оказывавшейся «советским испанцам» со стороны советских секций ряда международных организаций, непосредственно создававшихся для поддержки эмигрантов и беженцев, – Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Роль особых структур, отвечающих за культурную адаптацию эмигрантов как общности людей единого этнического происхождения, в статье освещается через деятельность т.н. Испанского центра в Москве, первоначально созданного внутренними силами испанских эмигрантов, но позже получившего официальный, практически государственный статус и менявшего на протяжении времени место своей дислокации, однако продолжающего функционировать и по сей день.

Ключевые слова: испанские эмигранты, «дети войны», МОПР, Советский Красный Крест, клуб имени Чкалова, Испанский центр, Коммунистическая партия Испании

Введение. Поддерживающие структуры, функционирующие на территории принимающей страны, играют роль объективных факторов, влияющих на динамику и скорость адаптации эмигрантов на чужой территории. В отношении испанской эмиграции в СССР наличие и деятельность подобных структур должна была стать едва ли не краеугольным камнем всего процесса адаптации – по той причине, что у эмигрантов из Испании в Советском Союзе не было вообще никакой почвы. Испанцев и испаноговорящих граждан, проживавших в СССР на постоянной основе, было чрезвычайно мало, знание испанского языка советскими гражданами было исключительным явлением,

именно поэтому испанским эмигрантам была чрезвычайно необходима своеобразная помощь извне.

Исследование проблемы. Вопросами принятия всех политических эмигрантов в СССР ведала советская секция Международной организации помощи борцам революции (МОПР). В этой связи неудивительно, что именно она начинала играть непосредственную роль в судьбе испанцев сразу после их прибытия. Советская секция МОПРа занималась вопросами передвижения эмигрантов на территорию СССР, их трудоустройства, оформления вида на жительство или принятия ими советского гражданства. Помогала организация и в бытовых условиях: так, осенью 1939 г. на Ново-Краматорском заводе «нуждающиеся политэмигранты получили от ЦК МОПР костюм, осеннее пальто, пару брюк, 2 пары белья, сорочки, а при поступлении холодов им были выданы зимние пальто, валенки, шапки и т.п.» [1].

К сожалению, попытки помочь политэмигрантам адаптироваться к местным погодным условиям, позаботиться об их здоровье омрачались полным отсутствием какого-либо взаимодействия с прочими структурами и организациями и потому практически сходили на нет. Так, вышеупомянутые зимние пальто были выданы с большим опозданием: «ЦК МОПР перевел деньги заводским организациям на зимние пальто, а они не сумели вовремя реализовать взятые обязательства и лишь после вмешательства ОК(б)У политэмигранты получили зимние пальто только к февралю 1940 г.» [1].

Вышесказанное заставило испанцев опираться в первую очередь на свои собственные силы, и даже в таких сложных условиях они действительно сумели не потеряться в первую очередь потому, что постоянно держались вместе – и на работе, и в свободное время. Так, московские испанцы облюбовали кафе при Доме актера на ул. Горького, д. 14, где часто собирались по выходным. Присутствие здесь эмигрантов из Испании в субботние и воскресные дни было столь многочисленным, что даже сами москвичи стали называть это заведение «кафе “Мадрид”» [2. С.64]. Однако в первую очередь вопрос некоего «единства» касался воспитанников домов для испанских детей. Для них, ввиду общего происхождения, жизненного опыта и примерно равного возраста, было присуще заостренное чувство некоей общности, братства – особенно если учитывать тот фактор, что дружба по детскому дому порой заменяла семейные отношения между родными братьями и сестрами, разлученными либо еще на родине, либо уже непосредственно в Советском Союзе. Будучи детьми дошкольного, младшего школьного возраста, маленькие испанцы уже научились ухаживать, следить, оберегать друг друга, что особенно проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда взаимовыручка подчас была единственной возможностью выжить.

Что касается прямой помощи испанским эмигрантам со стороны советских общественных организаций на государственном уровне в послевоенное время, то в данном случае нельзя не отметить деятельность Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. После ликвидации МОПРа в

1948 г. Красный Крест перенял функции упраздненной организации, вследствие чего стал заниматься вопросами политэмигрантов в СССР – в частности испанцев. Фактически Красный Крест начал оказывать помощь эмигрантам еще раньше: «испанские дети», учившиеся в техникумах и прочих учреждениях среднего специального образования в военные и первые послевоенные годы, получали непосредственно от Красного Креста стипендию в размере 150 рублей [3. С. 60]. При этом деятельность Красного Креста конца 1930-х – начала 1940-х гг. в отношении испанцев так же, как и МОПРа, стала жертвой своего времени: Франсиско Мероньо вспоминал о том, что, страдая от холода и нехватки теплых вещей, он и его товарищи решили отправиться в комитет Красного Креста самостоятельно, где им совершенно безвозмездно, лишь попросив подписать некоторые бумаги, выдали полный комплект одежды: пальто, меховые шапки, костюмы, рубашки и т.д. [4. С. 56–58].

Полноценная деятельность Советского Красного Креста в отношении испанцев начинает разворачиваться в 1950-е гг., когда МОПР действительно был упразднен. В 1956 г., когда стало возможным вести прямую переписку с Испанией, именно Советский и Испанский Красные Кресты выбивали у испанского правительства разрешение на предоставление советским испанцам визы на пребывание в Испании, чтобы те могли просто повидаться с родными и близкими, о которых они ничего не знали в течение 20 лет [5. С. 50]. Советский Красный Крест принимал активное участие в процессах предоставления испанцам, проживавшим в коммунальных квартирах, отдельного жилья. При этом «дочь войны» Виртудес Мартинес вспоминала, что благодаря Красному Кресту получила квартиру в одном доме с другой «дочерью войны», с которой они дружили еще с 1937 г., когда познакомились в испанском детском доме [3. С. 29–30]. Также Красный Крест помог в 1967 г. вновь обустроиться в СССР 50 испанским семьям – репатриантам 1956–1958 гг.: 20 семей получили жилье и работу в различных городах Украинской ССР; остальные семьи обосновались в Белорусской ССР, Ленинградской, Ростовской, областях и Краснодарском крае.

В первые послевоенные годы главной заботой советского правительства было, естественно, преодоление последствий страшных четырех лет войны. Но, поскольку сами испанцы, привыкшие за предвоенные и военные годы надеяться в первую очередь на самих себя, видели, что ужасы войны позади, стремление бороться своими силами за свою культурную и национальную идентичность не только сохранилось, но и при этом вышло на более серьезный уровень. Когда на базе московского авиазавода № 30, где работали как кировабадские летчики, так и «дети войны», был образован т.н. клуб имени Чкалова, в этом клубе появился небольшой культурный центр эмигрантов, у истоков которого стояла «старая гвардия» испанской эмиграции: Луис Балагер, Хесус Саис и Энрике Сафра [6. С. 74]. Испанцы, имевшие какие-либо общие увлечения, два-три раза в неделю после работы собирались в клубе и занимались в кружках по интересам: литературном, танцевальном, музы-

кальном, театральном. Период с 1947 по 1956 г. можно считать золотым веком клуба Чкалова не только как очага, вокруг которого собиралась испанская эмиграция, но и как проводника испанской культуры в СССР в целом. Именно здесь были организованы первые в Советском Союзе постановки произведений великих испанских литераторов: Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона. В аудиториях клуба организовывались конференции, политические, научные «круглые столы», связанные с событиями, происходящими в Испании. Особенно пышно в клубе Чкалова эмигранты из Испании отпраздновали 15-летие прибытия испанских детей в СССР. Однако деятельность Испанского центра при клубе им. Чкалова прервалась ввиду личного разрешения Франко на возвращение политэмигрантов (в том числе и «советских испанцев») обратно на родину.

Как известно, репатриационная волна 1956–1959 гг., по большому счету, провалилась: большинство испанцев, не сумев приспособиться к испанской жизни, вернулись обратно в Советский Союз. На фоне такого положения дел проблемы культурно-бытовой адаптации испанцев стали решаться уже на государственном уровне. Так, в начале 1960-х гг. директивные органы КПСС поддержали инициативу коллектива испанцев, остававшихся на территории СССР, создать определенную структуру, которая объединяла бы всех испанцев и в плане досуга, и в административном порядке [7. С. 354]. Поначалу Испанский центр много раз менял место и в итоге занял два этажа в здании по адресу: ул. Кузнецкий мост, д. 18/7, где находится и сегодня.

По сути, обновленный Испанский центр должен был играть в первую очередь роль посредника между советской администрацией и испанскими эмигрантами. Так, через поддержку советского Красного Креста уже непосредственно силами центра осуществлялась «точечная» экономическая, социальная помощь; испанцев и их родственников устраивали на работу или учебу. Дочь «детей войны» по имени Вероника вспоминала, что в одной из приглянувшихся ей вакансий были нужны девушки со знанием испанского языка, умеющие при этом работать на печатной машинке. Именно в Испанском центре Веронику научили обращаться с этим устройством, и в итоге она стала работать машинисткой в издательстве «Прогресс» [7. С. 255].

Испанский центр переживал период расцвета порядка 15 лет – пока являлся своеобразным представительством КПИ в СССР. На собраниях эмигрантов и празднествах здесь часто бывала Долорес Ибаррури и другие «сливки» испанской эмиграции из компартии, а заместителем директора по культурно-массовой работе в Испанском центре был старый коммунист Вирхилио Льянос. Помимо прочего, в центре можно было почитать журналы, которые издавала КПИ за рубежом; в распоряжении эмигрантов находилась великолепная библиотека, фонд которой располагал большим количеством книг испанских авторов (книги доставлялись из Испании и Франции).

В 1975 г., со смертью Франко и установлением в Испании конституционной монархии, центр потерял статус «представительства», поскольку компар-

тия могла легально существовать непосредственно на территории Испании. До середины 80-х центр оставался местом встреч тех немногих испанцев, которые продолжали жить в Москве. Последним же крупным событием, прошедшим в стенах культурного центра, стало празднование 60-летия прибытия испанских детей; на это мероприятие приехало около 300 из 600 здравствовавших на тот момент российских «детей войны» [8. С. 73].

Заключение. Поддержку «советским испанцам» оказывали те организации, само создание которых было направлено на помощь политэмигрантам в СССР – Международная организация помощи борцам революции и Советский Красный Крест. Именно они в разное время помогали испанским эмигрантам всех возрастов денежными пособиями, теплой зимней одеждой; решали вопросы, связанные с гражданством, трудоустройством, жилплощадью. Однако очень часто осуществление такой поддержки осложнялось почти полным отсутствием взаимодействия с организациями на местах, что особенно негативно сказывалось на жизни испанцев в предвоенные и военные годы. Безусловно, связано это с тем, что прибытие испанских эмигрантов оказалось осложнено скорым началом Второй мировой войны, предтечей которой стала Гражданская война в Испании. В создавшихся внешнеполитических условиях, а также в условиях еще не сложившегося международного права, связанного с вынужденной миграцией, советская сторона делала ровно то, что могла делать на текущий момент времени. Поэтому по большей части испанцы были вынуждены опираться на собственные силы, держась вместе и самостоятельно изыскивая возможности к нормальной жизни.

Каких-либо структур, которые помогали бы испанцам в духовной сфере, задачей которых было бы сохранение национального чувства в рядах эмигрантов, долгое время не было. Несмотря на успешную во многом деятельность Испанского центра, необходимо признать, что отношение к испанцам на уровне компартии Испании, чьей резиденцией и считался центр, диктовалось, в основном, конъюнктурой и пропагандистскими целями. Судьба Испанского центра показала, что как только в Испании была восстановлена монархия и установились демократические порядки, в результате чего «советские испанцы» по желанию могли уехать к себе на родину, оставшиеся в СССР эмигранты и их потомки оказались предоставлены сами себе, ничем не отличаясь от остальных советских граждан вплоть до событий 1991 г.

© Арутюнов А.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 110. Л. 6–7.
- [2] Cimorra B. *La voz que venía del frío*. Radio Moscú. Eusebio Cimorra (1939–1977). Valladolid: Ambito, 2010. 296 p.

- [3] Compañ Martínez V. *La española rusa*. Moscú, 2014. 124 p.
- [4] Meroño Pellicer D. *Así como fue*. Madrid, 2005. 238 p.
- [5] Бильбао-Гогичайшвили М. *Моя Баскония*. Тбилиси: Мерани, 1972. 96 с.
- [6] Zafra E., Crego R., Hereida C. *Los niños españoles evacuados a la URSS (1937)*. Madrid: Ediciones de la Torre, 1989. 221 p.
- [7] Limonero I.C. *Dos países, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética*. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.
- [8] Devillard M. J. *Los niños españoles en la URSS (1937–1997): narración y memoria*. Barcelona: Ariel, 2001. 262 p.

THE SOVIET INSTITUTIONAL STRUCTURES AND THEIR ROLE IN THE SPANISH EMIGRANTS ADAPTATION PROCESS

A.A. Arutiunov

Peoples' Friendship University of Russia
6 Mikluho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

The article focuses on the activities of certain structures (already existing and just created) in the territory of the Soviet Union in the Spanish immigrants who arrived in the Soviet Union during and after the Civil war of 1936–1939, which ended with the fall of the Second Republic and the establishment of the Franco regime. The author devoted special attention to the necessity of functioning of such entities in the life of a Spanish exile in the Soviet Union because of its special nature related to the uniqueness of the historical stay of the Spaniards in the territory of modern Russia. The article discusses aspects of social and economic assistance provided by a «Soviet Spaniards» from the Soviet sections of a number of international organizations directly created to support immigrants and refugees – International Red Aid (MOPR) and the International Red Cross and Red Crescent Movement. The article highlights the role of special institutions responsible for the cultural adaptation of immigrants as a community of people of one ethnic origin through the activities of the so-called Spanish Centre in Moscow, originally created by internal forces of the Spanish emigrants, but later got official, almost governmental status and change over time the place of deployment, however, continues to operate to this day.

Key words: Spanish emigrants, «children of the war», International Red Aid (MOPR), the International Red Cross and Red Crescent Movement, Chkalov club, the Spanish Centre, the Communist Party of Spain.

REFERENCES

- [1] The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 495. Op. 73. D. 110. L. 6–7.
- [2] Cimorra B. *La voz que venía del frío*. Radio Moscú. Eusebio Cimorra (1939–1977). Valladolid: Ambito, 2010. 296 p.

- [3] Compañ Martínez V. *La española rusa*. Moscú, 2014. 112 p.
- [4] Meroño Pellicer D. *Así como fue*. Madrid, 2005. 238 p.
- [5] Bilbao-Gogichayshvili M. *Moya Baskoniya*. Tbilisi: Merani, 1972. 96 p.
- [6] Zafra E., Crego R., Hereida C. *Los niños españoles evacuados a la URSS (1937)*. Madrid: Ediciones de la Torre, 1989. 221 p.
- [7] Limonero I.C. *Dos países, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética*. Madrid: Ediciones Cinca, 2010. 275 p.
- [8] Devillard M.J. *Los niños españoles en la URSS (1937–1997): narración y memoria*. Barcelona: Ariel, 2001. 262 p.

Сведения об авторе:

Арутюнов Артём Артурович – аспирант кафедры всеобщей истории,
ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов», Москва.

E-mail: artemio.arutiunov@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-259-271

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ПУБЛИКАЦИЙ ИНСТИТУТА КЕННАНА)

А.В. Антошин

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
пр. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620003

Статья посвящена анализу миграционной политики современной России в американской исследовательской литературе. В центре внимания – публикации, подготовленные одним из ведущих американских центров русистики – Институтом Кеннана, являющимся структурным подразделением Международного центра Вудро Вильсона (Вашингтон, США). Статья базируется на материалах серии «Eurasian Migration Papers», основанной сотрудниками института в начале XXI в., а также на публикациях Института, размещенных на его официальном сайте. Авторами данных исследований являются как американские социологи и миграционологи, так и исследователи из государств постсоветского пространства, связанные с Институтом Кеннана.

Анализ публикаций Института Кеннана позволил выделить ключевые проблемы, интересующие американских миграционологов, специализирующихся на российских проблемах: основные этапы эволюции миграционной политики РФ, мигранты из государств Центральной Азии и Южного Кавказа в современной России, китайская иммиграция в РФ, отношение к мигрантам населения России.

Автор приходит к выводу о том, что исследования американских миграционологов отличаются достаточно высоким научным уровнем. Ряд специалистов регулярно проводят «полевые исследования» в различных городах и регионах России, не ограничиваясь анализом ситуации в Москве и Московской области. Они используют разнообразные методы демографических и социологических исследований. Вместе с тем для работ американских авторов характерно акцентирование внимания на тех проблемах, которые существуют в отношениях между принимающим обществом и мигрантами. Весьма критически американские миграционологи оценивают и деятельность российских государственных структур, полагая, что последним не удастся добиться успешной адаптации мигрантов в России. Американские социологи, сотрудничающие с Институтом Кеннана, стараются доказать, что проблемы национализма и расизма реально существуют в российском обществе. По их мнению, такие настроения популярны не только в Московском регионе, но и в других частях Российской Федерации. Эта ситуация создает угрозу социальной и политической стабильности в современной России.

Ключевые слова: Американская русистика, Институт Кеннана, миграционная политика России

Введение. Американская русистика представляет собой явление, давно привлекающее внимание исследователей. В США еще в 1960–1980-е гг. вышел ряд работ, посвященных становлению этого направления в американской гуманитаристике [11; 14; 22]. При этом уже в 1990–2000-е гг. западные исследователи высказывали и ряд критических замечаний в адрес советологов, показывая, что эпоха холодной войны накладывала сильный отпечаток на содержание их трудов [5; 12; 18]. Российские исследователи уделяли основное внимание вкладу историков-эмигрантов в становление и развитие русистики в США. Однако большинство работ посвящено проблемам российской диаспоры, американской русистике межвоенного периода, а также анализу творческого наследия советологов эпохи холодной войны [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 9]. Крайне редко освещается новейший период в истории американской русистики [10]. Между тем в США достаточно большое внимание уделяется анализу процессов, протекающих в постсоветской России. Продолжают существовать исследовательские центры, которые специализируются на изучении социально-экономического и политического развития современной России. К их числу относится и Институт Кеннана.

Представляющий собой структурное подразделение Международного центра имени Вудро Вильсона (Вашингтон), этот институт является одной из ведущих в США структур, специализирующихся на изучении актуальных проблем жизни российского общества. Целью данной статьи является анализ ключевых публикаций Института Кеннана, посвященных миграционной политике современной России.

Материалы и методы. Основное внимание уделяется анализу публикаций серии «*Eurasian Migration Papers*», в рамках которой представлено наиболее развернутое видение сотрудниками Института Кеннана разнообразных аспектов российской миграционной политики. Однако данная статья опирается и на другие материалы, опубликованные сотрудниками института на официальном сайте Международного центра имени Вудро Вильсона. Сопоставление точек зрения исследователей осуществляется с применением метода сравнительного анализа.

Исследование проблемы. Анализ публикаций Института Кеннана показывает, что в них затрагиваются различные аспекты российской миграционной политики. Следует отметить, что на страницах изданий Института публикуются не только американские миграциологи. Институт сотрудничает с рядом российских экспертов, занимающихся вопросами эволюции миграционной политики в постсоветский период. Стажером Института Кеннана был, например, ведущий научный сотрудник Института философии РАН Владимир Малахов. В 2011 г. в стенах Международного центра имени Вудро Вильсона им был сделан доклад на тему «Национальная интеграция и транснациональная миграция: динамика иммиграционных режимов в индустриально развитых странах» [25. Р. 81]. В 2010 г. в серии «*Eurasian Migration Papers*» была опубликована статья Марии Розановой – одного из руководителей санкт-

петербургского Центра гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «Стратегия», посвященная российской миграционной политике 1990-х – 2000-х гг. [21].

Однако и среди ведущих сотрудников самого Института Кеннана есть серьезные эксперты по проблемам миграционной политики России. Как показывает анализ их работ, американские миграционологи концентрируют свое внимание на тех проблемах, с которыми столкнулись российские государственные структуры, отвечающие за реализацию этой политики. Так, Мэри Элизабет Малинкин обратила внимание на то, что авторы Концепции национальной миграционной политики в Российской Федерации до 2020 г. признали неудачу усилий правительства по интеграции и адаптации мигрантов в принимающее общество. Заметим, что факт этого признания оценивается ею позитивно. Положительно М.Э. Малинкин воспринимает и тот факт, что разработчики Концепции признают необходимость привлечения иностранной рабочей силы для развития российской экономики [16].

Параллельно Мэри Элизабет Малинкин указывает на неразвитость инфраструктуры по приему иммигрантов в России. Это обстоятельство, как она справедливо замечает, диссонирует с потребностями страны в дополнительной рабочей силе для решения экономических проблем. Новые веяния в российском иммиграционном законодательстве 2010-х гг., проблемы получения регистрации и сдача теста на знание русского языка затрагиваются в интервью американской исследовательницы с бывшим стипендиатом программы Фулбрайт А. Облезовой.

В ходе интервью отмечалось, что, несмотря на все усилия официальных структур, существует масса возможностей обойти необходимость сдачи соответствующего теста (например, путем приобретения мигрантом фальшивого сертификата) [17]. Через два года после интервью с А. Облезовой американская исследовательница продолжала констатировать неэффективность системы получения официальной регистрации для мигрантов в России, факты покупки приезжими поддельных документов о регистрации. По мнению М.Э. Малинкин, сама эта система стала основой для распространения коррупции. Одновременно, по мнению американского миграционолога, данная ситуация стимулирует рост националистических и антииммигрантских настроений в российском обществе [16].

Заметим, однако, что некоторые сотрудничающие с Институтом Кеннана американские исследователи показывают, что подобная ситуация характерна отнюдь не только для российского общества. Здесь можно выделить работы социолога Синтии Бакли (Университет Техас, Остин). Она показывает, что те опасения, которые существуют в отношении приема иммигрантов в России, присущи и современным США. Как в России, так и в США часть населения убеждена, что основными распространителями опасных инфекционных заболеваний (прежде всего туберкулеза) являются иммигранты. Это связано с тем, что в массовом сознании сформировался образ иммигрантов как людей

менее образованных и менее цивилизованных, чем коренное население. Однако, как доказывает американский социолог, очень часто этот образ не соответствует действительности. В реальности, как показывает опыт мигрантов из государств Южного Кавказа в России, многие из них заражаются опасными инфекционными заболеваниями уже после того, как они покидают Родину. Об этом свидетельствуют данные ряда правительственных учреждений Азербайджана, Грузии и Армении, которые говорят о том, что нередко именно вернувшиеся из России трудовые мигранты становятся распространителями СПИД и других болезней. Впрочем, Синтия Бакли справедливо отмечает, что любые обобщающие умозаключения по данной проблематике будут не вполне корректны вследствие отсутствия надежных статистических данных [23. Р. 64].

Какие факторы, по мнению американских миграциологов, способствуют распространению антииммигрантских настроений в российском обществе? По мнению бывшего заместителя директора Института Кеннана Нэнси Попсон, и здесь можно провести любопытные параллели между США и Россией. И та и другая страны являются многонациональными, однако в обеих есть немало регионов, которые ранее редко сталкивались с проблемой мигрантов. Являясь в течение долгого времени этнически гомогенными, они оказались не готовы к массовому наплыву представителей иной культуры. При этом проблема, как полагает Нэнси Попсон, состоит также и в том, что ни в США, ни в России не удается создать эффективную национальную стратегию интеграции иммигрантов. Эта ситуация и приводит к возникновению проблемы ксенофобии и формированию мифов о мигрантах. При этом интересным представляется замечание американской исследовательницы о том, что российские эксперты внимательно анализируют опыт США по решению проблемы нелегальной иммиграции и стремятся не повторить тех ошибок, которые были допущены, в частности, администрацией Дж. Буша-младшего [19].

Аналогичные общие особенности ситуации в России и США фиксирует и М. Розанова. Она согласна с Н. Попсон в том, что в обеих странах есть немало регионов, которые впервые столкнулись с массовым наплывом мигрантов. Однако активно сотрудничающая с Институтом Кеннана петербургская исследовательница стремится доказать, что специфика политических систем двух государств накладывает свой отпечаток на решение ими проблем, связанных с массовой иммиграцией. Российские регионы, полагает М. Розанова, имеют меньшую самостоятельность, чем штаты в США.

Впрочем, дело не только в том, что власти субъектов федерации в России имеют достаточно скромные возможности для маневра в рамках осуществления миграционной политики. Значительная часть тех мигрантов, которые прибывают в Россию, ранее сами также не жили в обществах, принадлежащих к иной культуре. Они не склонны к интеграции в принимающее общество, напротив, подчеркнуто стремятся к сегрегации. Именно это приводит к тому, что, по мнению М. Розановой, в ряде случаев можно говорить даже о

тенденции формирования в Санкт-Петербурге иммигрантских «микро-гетто». Эта ситуация вызывает негативную реакцию со стороны коренного населения города на Неве [21. Р. 52].

Ряд американских социологов и политологов предпринимали и попытки проведения «полевых» исследований в различных регионах России. Именно такие исследования показывают, что реальная ситуация сложнее, чем те стереотипы, которые формируются СМИ. Так, Михаил Алексеев (Университет Сан-Диего), исследовавший ситуацию в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России, показывает, что в ряде городов существуют экстремистские группировки, которые проявляют себя как на улицах городов (антииммигрантские граффити, листовки и т.д.), так и в Интернете. Однако руководство России (прежде всего Президент В.В. Путин) решительно выступает против подобных настроений. Как показывает М. Алексеев, бизнес заинтересован в прибытии в Россию новых трудовых иммигрантов. «Рынок живет и побеждает», – цитирует американский исследователь своего российского друга [23. Р. 134]. Иными словами, экономические соображения ведут к тому, что Россия не превратится в закрытое, этнически гомогенное общество, чего желали бы экстремисты.

В работах других американских исследователей также акцентируется внимание на данной проблеме. Любопытно, что в ходе проведенного М.Э. Малинкин полевого исследования в Иркутске ею было констатировано скорее «нейтральное» отношение населения сибирского города к мигрантам. Местные жители, полагает Малинкин, больше озабочены другими проблемами (в частности, экологической). Однако, доказывает американская исследовательница, в Перми ситуация иная. Опираясь на высказывания местных гражданских активистов, М.Э. Малинкин пишет о факте избиения мигрантов из Центральной Азии националистически настроенной молодежью.

В российской столице американский миграциолог также почувствовала проявления националистических настроений. Она приводит факт беседы с одним из московских таксистов – осетином, который рассказал ей о том, что почувствовал проявления «русского национализма» на себе. В связи с этим Мэри Элизабет Малинкин выдвигает весьма любопытный вывод о том, что «значительная часть населения в России не делает различий между международными мигрантами и собственными этническими меньшинствами» [16]. Это, по ее мнению, свидетельствует о наличии в России настроений «ксенофобии» и «расизма».

В целом, подчеркнем, обращает на себя внимание, что американские исследователи делают акцент на широком распространении данных проблем в российском обществе. Так, очень характерно, что интервью Мэри Элизабет Малинкин с А. Облезовой начинается с вопроса американского миграциолога о «разновидностях дискриминации рабочих-мигрантов в России» [17].

Среди трудовых мигрантов в современной России значительную часть составляют выходцы из стран СНГ. Эта группа мигрантов привлекает при-

стальное внимание американских исследователей. Как справедливо отмечает Оксана Шевель (Университет Тафта), не вполне корректно воспринимать выходцев из республик бывшего СССР как таких же иностранцев, как, например, китайские мигранты. На практике вопрос о политике в отношении этих людей тесно связан с существующей в России проблемой национальной идентичности. При этом американская исследовательница стремится доказать, что международные и неправительственные организации могли бы играть большую роль в урегулировании конфликтных ситуаций, связанных с массовой трудовой иммиграцией из стран СНГ [23. Р. 69]. Основную массу тех, кто приезжал в Россию в 1990-е гг., составляли выходцы из Таджикистана, Молдовы и Армении. Как указывает демограф из Университета Мэриленда Тимоти Элениак, именно из стран «ближнего зарубежья» шла наиболее активная иммиграция в РФ в первое десятилетие после распада СССР. В то же время большинство тех, кто уезжал из страны, покидали ее ради стран «дальнего зарубежья» [23. Р. 91].

Как показывают исследования американских миграциологов, не следует автоматически объединять всех мигрантов из стран СНГ в некую единую группу. Положение в России выходцев из отдельных государств существенно различается. Синтия Бакли справедливо указывает, что положение выходцев из государств Южного Кавказа, например, существенно лучше, чем тех, кто приехал из Таджикистана. Во многом это связано с тем, что формирование землячеств выходцев из Грузии, Армении и Азербайджана в городах РСФСР началось еще в советский период, к 1990-м гг. сформировались неформальные каналы приема мигрантов, оказания им помощи при поиске жилья и устройстве на работу. Среди мигрантов из стран Южного Кавказа существенно выше доля лиц с высшим образованием, которые смогли найти себе работу по специальности в России [23. Р. 64]. Есть среди них и врачи, которые могут оказать квалифицированную помощь землякам в случае необходимости. К сожалению, мигранты из Таджикистана часто лишены такой возможности.

В таких условиях особенно важной становится роль тех таджикских общественных деятелей, которые известны за пределами диаспоры. Среди них, например, кинорежиссер и правозащитник Давлат Худоназаров, также сотрудничающий с Институтом Кеннана. В 2009 г. в стенах Института Кеннана он рассказал о своих попытках участия в урегулировании проблемы таджикской иммиграции в России. К сожалению, усилия интеллектуала, стремившегося оказать воздействие на своих земляков, убедить их интегрироваться в российское общество, не принесли желаемого эффекта. Давлат Худоназаров не смог выполнить функцию своеобразного координатора миграционных потоков из Таджикистана в Россию, большинство рядовых мигрантов не прислушивались к его рекомендациям [23. Р. 74].

Основательный анализ проблемы таджикской иммиграции в РФ был представлен в исследовании Хилари Хеммингс, также опубликованном Институтом Кеннана [13]. Она показывает, что именно таджики составляли основную

массу мигрантов низкой квалификации, приехавших в Россию в 1990-е – 2000-е гг. Исследование американского социолога убедительно доказывает тот факт, что этот поток оказывает огромное влияние на развитие экономики Таджикистана, обеспечивая весомую часть доходов бюджета. Однако в центре внимания американского социолога находится влияние экономического кризиса 2008–2009 гг. на положение таджикских мигрантов и их перспективы в России. Как показывает Хилари Хеммингс, уже в 2009 г. начался отток мигрантов из России. Далекое не все таджики были согласны в новых условиях продолжать жить и работать в России, тем более что проблема негативного отношения к ним со стороны местных жителей остается. Впрочем, Хеммингс полагает, что не следует и преувеличивать эти тенденции, что было характерно для многих публикаций в российской прессе. Те таджикские мигранты, которые отличаются сравнительно более высоким уровнем образования и владения русским языком, чаще всего оставались в России. Хеммингс доказывает, что многим таджикским мигрантам удалось преодолеть и этот сложный период, адаптировавшись к посткризисной ситуации. Правда, она отмечает, что в новых условиях многие мигранты вынуждены были соглашаться на меньшую, чем до кризиса, зарплату.

Однако, в работах американских миграциологов можно найти и другие точки зрения. По мнению некоторых авторов, в условиях падения курса рубля в 2014–2015 гг. настроения мигрантов из стран Центральной Азии изменились. Это фиксировала, например, Мэри Элизабет Малинкин. В 2014 г. в рамках поездки, организованной при содействии Фонда «Евразия», ей удалось посетить Иркутск. Беседуя с мигрантом из Узбекистана, она пришла к выводу, что многие его соотечественники «приехали в Россию, но не планируют здесь остаться» [16].

Нашла отражение в американской исследовательской литературе и проблема беженцев из Донбасса на территории России, связанная с событиями начавшегося в 2014 г. украинского кризиса. Именно освещение этого сюжета было одной из главных целей поездки Мэри Элизабет Малинкин в Пермь в 2014 г. Американская исследовательница рассмотрела вопросы размещения беженцев, поиски ими работы в Перми, реакцию местного населения на прибытие большого числа вынужденных переселенцев в Пермь. При этом следует указать, что в целом данное исследование носит объективный характер, М.Э. Малинкин указывает как на положительные, так и на отрицательные аспекты политики местных властей в этом вопросе. Взвешенность подхода автора проявляется, в частности, в том, как она объясняет причины трудностей с поиском работы, с которыми столкнулись многие беженцы из Донбасса в уральском городе. Американский миграциолог подчеркивает, что во многом они связаны со спецификой местного рынка труда, где дефицитными являются не те специальности, которыми обладает большинство переселенцев из восточной Украины. В то же время указано и на недостаточную

эффективность государственной политики в отношении беженцев, в частности, проблемы с выплатой им пособий по безработице [15].

Проблема положения в России мигрантов из стран «дальнего зарубежья» несколько реже анализируется американскими исследователями. Однако среди изданий Института Кеннана можно выделить труд Марии Репниковой и Харли Бэлзер, посвященный китайской миграции [20]. В нем проанализировано территориальное размещение китайских мигрантов в современной России, показано, что их значительная часть концентрируется на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. М. Репникова и Х. Бэлзер указывают, что в ряде регионов РФ существует негативный общественный фон вокруг китайских мигрантов, который усугубляется слухами о «китайской угрозе». При этом исследователи доказывают, что в реальности Россия отнюдь не является основным реципиентом китайской миграции, существенно уступая в этом плане США, Австралии и ряду других стран. Подлинный масштаб китайской миграции в Россию довольно скромный, и авторы даже склонны писать об «упущенных возможностях» России. Беспочвенны, по мнению американских социологов, и опасения относительно захвата китайцами «жизненного пространства» на российском Дальнем Востоке. Уровень развития экономики и социальной инфраструктуры региона делает его не слишком привлекательным для китайских мигрантов. Многие из них предпочитают уезжать в западные районы России, а после этого – в страны Европы. Тем не менее, потенциал у китайской иммиграции в Россию весьма велик, особенно учитывая демографическую и социально-экономическую ситуацию на севере КНР, подчеркивают Х. Бэлзер и М. Репникова.

В некоторых работах американских авторов затрагивается и вопрос о роли России как важного центра транзитной миграции в современном мире. Эта проблема была затронута сотрудником Института Кеннана М. Трудолюбным в связи с анализом темы восприятия в России «миграционного кризиса» в Европе. Он указывал на то, что в российском обществе доминирует точка зрения, согласно которой причиной бегства сирийцев в Европу является крушение их национальной государственности, произошедшее по вине стран Запада (прежде всего США). При этом М. Трудолюбов доказывал, что именно Россия, весьма избирательно принимающая беженцев из Сирии, является одной из стран-транзитеров, через которые направляются потоки мигрантов в Европу [24].

Выводы. Таким образом, в Институте Кеннана под руководством его бывшего директора профессора Блэра Рубла удалось создать структуру, которая эффективно занимается анализом миграционных процессов в современной России. Институт стал центром притяжения не только для американских миграциологов, но и для специалистов, постоянно работающих в российских исследовательских центрах. Следует отметить, что сотрудники Института Кеннана не ограничиваются анализом статистических материалов, касающихся миграционных потоков в Россию, но занимаются и полевыми социоло-

гическими исследованиями. Эти исследования охватывают не только Москву и Санкт-Петербург, но и города Урала, Восточной Сибири, Дальнего Востока. Именно это нередко позволяет сотрудникам Института Кеннана делать выводы, которые расходятся со стереотипами, созданными СМИ.

Во многих трудах, опубликованных под эгидой Института Кеннана, проводилась мысль о том, что ситуация в России отнюдь не является уникальной. После распада СССР наша страна столкнулась с наплывом трудовых мигрантов, который уже пережили многие государства Запада. Более того, ряд американских исследователей указывают, что по некоторым параметрам можно провести параллели между ситуацией в России и США – в двух многонациональных государствах, имеющих в своем составе регионы, которые долгое время не сталкивались с наплывом мигрантов. Отмечается и тот факт, что негативный общественный фон вокруг мигрантов также присущ отнюдь не только России, а характерен для многих государств современного мира.

В то же время нельзя не обратить внимания на тот факт, что уже в условиях украинского кризиса произошло некоторое изменение тематики и тональности публикаций Института Кеннана. Больше внимание стало уделяться проблемам на пути реализации российской миграционной политики. Большинство исследователей констатируют неудачи российских государственных структур в осуществлении программ интеграции мигрантов в принимающее общество.

© Антошин А.В., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
- [2] Ганелин Р.Ш. Зарубежная русистика и советология в идеологической политике СССР // Россия и русистика новейшего времени. Мат-лы межд. конф. памяти А.А. Фурсенко. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 31–37.
- [3] Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003.
- [4] Кодин Е.В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016.
- [5] Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93–109.
- [6] Мосейкина М.Н. «Издевательства над ди-пи продолжаютя»: формирование новой волны русской эмиграции в Аргентине после Второй мировой войны и проблемы репатриации в СССР // Вестник РУДН: Серия История России. 2007. № 2 (8). С. 70–81.
- [7] Мосейкина М.Н., Мелихов Г.В. Российская диаспора в XIX–XX вв.: выживание или исчезновение // Российская история. 2005. № 4. С. 106–117.

- [8] Петров Е.В. Роль русских историков-эмигрантов в становлении славистической периодики в США // Эмигрантика. Периодические издания русского зарубежья: вопросы источниковедческой критики. Труды межд. конф. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. С. 88–98.
- [9] Петров Е.В. «Русские американцы» и «американская русистика» в первой половине XX столетия: историографический обзор // Россия и русистика новейшего времени. Мат-лы межд. конф. памяти А.А. Фурсенко. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. С. 87–112.
- [10] Сазонова Н.В. Американские научные, культурные и образовательные программы и российское общество в 1990-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2007.
- [11] Coser L.A. *Refugee Scholar in America – Their Impact and Their experience*. New Haven (Conn.), 1984.
- [12] Engerman D. *Know Your enemy: The rise and fall of America's soviet experts*. Oxford University Press, 2009.
- [13] Hemmings H. *Remittances, Recession... Returning home? The effects of the economic crisis on Tajik migrant labor in Moscow*. Washington, 2010.
- [14] *The Intellectual Migration: Europe and America 1930–1960* / eds. D. Fleming and B. Ballyn. Vol. 2. Cambridge (Mass.), 1968.
- [15] Malinkin M. *The Great Exodus: Ukraine's Refugees Flee to Russia*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/the-great-exodus-ukraines-refugees-flee-to-russia#sthash.15LJAdw9.dpuf>.
- [16] Malinkin M. *Mother Russia's Chilly Embrace*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/mother-russias-chilly-embrace#sthash.Cnzca38w.dpuf>.
- [17] Malinkin M. "Russia is like the Stepmother, not the Mother:" Alisa Oblezova Reflects on Russian Migration Policy Today. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/russia-the-stepmother-not-the-mother-alisa-oblezova-reflects-russian-migration-policy#sthash.IvGhc2qy.dpuf>.
- [18] Nygren B. *American sovietology and knowledge utilization in the formulation of U.S. Soviet policy: the political influence of sovietologists in the Eighties and consequences for scholarly research*. Stockholm: University of Stockholm, 1992.
- [19] Popson N. *Demography, migration and tolerance: Eurasian experience in context* // *Demography, migration and tolerance: comparing the Russian, Ukrainian and US experience*. Washington, 2010. P. 8–17.
- [20] Repnikova M., Balzer H. *Chinese migration to Russia: missed opportunities*. Washington, 2009.
- [21] Rosanova M. *Migration process, tolerance and migration policy in contemporary Russia* // *Demography, migration and tolerance: comparing the Russian, Ukrainian and US experience*. P. 36–53.
- [22] *Russian emigrants: Contribution to the Scientific and Cultural Life of America*. New York, 1967.
- [23] *Transnational migration to new regional centers: policy challenges, practice and the migrant experience*. Washington, 2009.
- [24] Trudolyubov M. *Russia is a Fortress, But Not a Refuge*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article>.
- [25] Woodrow Wilson International Center for Scholars. *Scholars' Handbook*. 2010–2011. Washington, 2010.

**MIGRATION POLICY OF CONTEMPORARY RUSSIA
IN AMERICAN SCHOLARSHIP
(ON THE BASE OF MATERIALS
OF KENNAN INSTITUTE PUBLICATIONS)**

Alexey V. Antoshin

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620003

The article is devoted to analysis of migration policy of contemporary Russia in American scholarship. At the center of attention – publications prepared by one of the leading American centers of Russian studies, Kennan Institute, the branch of Woodrow Wilson International Center for Scholars. The article is based on the materials of Eurasian Migration Papers which was founded by Kennan Institute at the beginning of the XXI century. The author uses also publications by Kennan Institute staff situated on its official website. The authors of these publications are as American sociologists and specialists on migration problems as scholars from post-Soviet states who cooperate with Kennan Institute.

An analysis of Kennan Institute publications gives us an opportunity to stress key problems of interest for American specialists on Russian migration policy: the main periods of evolution of Russian migration policy, migrants from Central Asia and South Caucasus in contemporary Russia, Chinese migrants in Russian Federation, relations between Russian population and migrants.

The author concludes that scholarship by American specialists on migration problems have high scientific level. Some specialists regularly do their field studies in different Russian regions and cities, not only in Moscow and Moscow region. They use different methods of demography and sociology. But they usually stress different problems of relations between Russian society and migrants. They also criticize the activity of Russian official institutes dealing with migration problems. American specialists think that these institutes have no success in long-time integration of migrants in Russia. American sociologists cooperated with Kennan Institute try to prove that problems of nationalism and racism really exist in contemporary Russian society. Such moods, to their minds, are very popular not only in Moscow region but also in different parts of Russian federation. This situation is dangerous for social and political stability in contemporary Russia.

Key words: Russian Studies in America, Kennan Institute, Russian migration policy

REFERENCES

- [1] Bolhovitinov N.N. Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadsky, M.M. Karpovich, M.T. Florinsky) I stanovlenie rusistiki v SShA [Russian scholars-historians and formation of Russian studies in USA]. Moscow, 2005 (in Russian).
- [2] Ganelin R.Sh. Zarubejnaja rusistika I sovetologija v ideologicheskoy politike SSSR. Rossika i rusistika noveishego vremeni. Materialy mejdunarodnoj konferentsii pamjati

- A.A. Fursenko [Foreign Russian and Soviet studies in ideological Soviet policy in Rossica and Russian Studies in contemporary history. Conference Proceedings]. Saint Petersburg, 2010. P. 31–37.
- [3] Kodin E.V. Harvardsky proekt [Harvard project]. Moscow, 2003.
- [4] Kodin E.V. Munhensky institute po izucheniju SSSR, 1950–1972: evropeisky zentr sovetologii? [Munich Institute on Soviet Studies, 1950–1972: European center on Sovietic studies]. Smolensk, 2016.
- [5] Malia M. Iz-pod glyb, no shto? Ocherk istorii zapadnoy sovetologii [Under the stones, but what? Review of the history of Soviet Studies in the West]. *Otechestvennaja istorija*. 1997. 5: 93–109.
- [6] Moseikina M.N. “Izdavatelstva nad di-pi prodoljautsa”: formirovanie novoy volny russkoy emigratsii v Argentine posle Vtoroy mirovoy voyny I problemy repatriatsii v SSSR [“Troubles of DP has been continued”: formation of new wave of Russian emigration in Argentina after the Second World War and problems of repatriation in USSR]. *Vestnik RUDN. Istorija Rossii*. 2007. 2 (8): 70–81.
- [7] Moseikina M.N., Melihov G.V. Rossiskaja diaspora v XIX–XX vekah: vyjivanie ili ischeznovenie [Russian diaspora in the XIX–XX centuries: life or death]. *Rossiskaja istorija*. 2005. 4: 106–117.
- [8] Petrov E.V. Rol russkikh istorikov-emigrantov v stanovlenii slavisticheskoy periodiki v SShA. Emigrantika. Periodicheskie izdaniya russkogo zarubejija: voprosy istochnikovedcheskoy kritiki. Trudy mejdunarodnoy konferentsii [The role of Russian historians-emigrants in formation of Slavic Studies press in USA. Emigrantika. Periodical editions of Russian diaspora: problems of historical sources]. Saint Petersburg, 2012. P. 88–98.
- [9] Petrov E.V. “Russkie amerikantsy” I “amerikanskaya rusistika” v pervoy polovine XX veka: istoriographicheskiy obzor. Rossika i rusistika noveishego vremeni. Materialy mejdunarodnoj konferentsii pamjati A.A. Fursenko. [“Russian Americans” and Russian Studies in America in the 1st part of the XX century: historiography in Rossica and Russian Studies in contemporary history. Conference Proceedings]. Saint Petersburg, 2010. P. 87–112.
- [10] Sazonova N.V. Amerikanskije nauchnye, kulturnye I obrazovatelnye programmy I rossiiskoe obschestvo v 1990s: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [American scientific, cultural and educational programs and Russian society in 1990s: Abstract of thesis.]. Volgograd, 2007.
- [11] Coser L.A. Refugee Scholar in America – Their Impact and Their experience. New Haven (Conn.), 1984.
- [12] Engerman D. Know Your enemy: The rise and fall of America’s soviet experts. Oxford University Press, 2009.
- [13] Hemmings H. Remittances, Recession... Returning home? The effects of the economic crisis on Tajik migrant labor in Moscow. Washington, 2010.
- [14] The Intellectual Migration: Europe and America 1930–1960 / eds. D. Fleming and B. Ballyn. Vol. 2. Cambridge (Mass.), 1968.
- [15] Malinkin M. The Great Exodus: Ukraine’s Refugees Flee to Russia. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/the-great-exodus-ukraines-refugees-flee-to-russia#sthash.15LJAdw9.dpuf>.
- [16] Malinkin M. Mother Russia’s Chilly Embrace. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/mother-russias-chilly-embrace#sthash.Cnzca38w.dpuf>.

- [17] Malinkin M. “Russia is like the Stepmother, not the Mother:” Alisa Oblezova Reflects on Russian Migration Policy Today. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/russia-the-stepmother-not-the-mother-alisa-oblezova-reflects-russian-migration-policy#sthash.IvGhc2qy.dpuf>.
- [18] Nygren B. American sovietology and knowledge utilization in the formulation of U.S. Soviet policy: the political influence of sovietologists in the Eighties and consequences for scholarly research. Stockholm: University of Stockholm, 1992.
- [19] Popson N. Demography, migration and tolerance: Eurasian experience in context // Demography, migration and tolerance: comparing the Russian, Ukrainian and US experience. Washington, 2010. P. 8–17.
- [20] Repnikova M., Balzer H. Chinese migration to Russia: missed opportunities. Washington, 2009.
- [21] Rosanova M. Migration process, tolerance and migration policy in contemporary Russia // Demography, migration and tolerance: comparing the Russian, Ukrainian and US experience. P. 36–53.
- [22] Russian emigrants: Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. New York, 1967.
- [23] Transnational migration to new regional centers: policy challenges, practice and the migrant experience. Washington, 2009.
- [24] Trudolyubov M. Russia is a Fortress, But Not a Refuge. URL: <https://www.wilsoncenter.org/article>.
- [25] Woodrow Wilson International Center for Scholars. Scholars` Handbook. 2010–2011. Washington, 2011.

Сведения об авторе:

Антошин Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: alex_antoshin@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-272-288

**ОПИСАНИЕ АМУЛЕТОВ ИЗ «ЕГИПЕТСКОГО» ФАЯНСА
С ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI В.**

С.Б. Бурков

ГБУ «Институт истории и археологии РСО-Алании»
Отдел археологии
ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Россия, 362025

С. М-А. Гадальраб

Институт истории и международных отношений ЮФО
Кафедра археологии и истории древнего мира исторического факультета
ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-н/Дону, Россия, 344006

Статья посвящена историографическому обзору литературы, в которой приведены сведения об амулетах и талисманах из «египетского» фаянса, происходящих из бытовых и погребальных памятников Ростовской области, найденных за период с конца XIX – начала XXI в. Для уточнения обстоятельств обнаружения и происхождения некоторых предметов дополнительно привлечены данные из архивов и каталогов, в которых опубликованы изображения изучаемых предметов. Эта работа является первой в отечественной историографии, которая посвящена истории представления предметов фигурных форм из фаянса, найденных на территории Ростовской области.

Ключевые слова: археологические исследования, египетский фаянс, амулеты, раскопки, могильник, плакетка, подвеска

Введение. Для территории Ростовской области, как и для других регионов юга России, находки предметов из «египетского» фаянса достаточно характерны начиная с конца XIX в. Однако в отличие, например, от соседнего Краснодарского края, где изучению подобных предметов ранее уже уделялось некоторое внимание [2; 3. С. 313–314], для Ростовской области таких работ нет. Особенно это касается исследований историографического характера. В них сведения о подобных находках в данном регионе либо лишь кратко упоминаются [29. С. 4; 30. С. 12; 40. С. 28–31; 10. С. 54], либо отсутствуют вовсе [9]. Обобщение данных о фигурных формах из фаянса имеется лишь в тезисах докладов на конференциях [21], либо в студенческих квалификаци-

онных работах [8;18], хотя уровень представительства этих предметов, даже в отдельно взятых памятниках (некрополь Кобякова городища), довольно высок. Все это создает определенную диспропорцию в историографическом изучении древностей раннего железного века Юга России. Настоящая статья призвана в определенной степени ликвидировать образовавшийся пробел.

Целью настоящего исследования является обобщение публикационных усилий исследователей по представлению сведений об амулетах и талисманах из египетского фаянса, найденных на территории Ростовской области. Материалы излагаются в последовательности выхода работ, с учетом ряда важных деталей, связанных с условиями выявления этих предметов в полевых условиях, что важно для их последующей обработки и сопоставления с подобными же источниками с сопредельных территорий. Это, по мнению авторов, позволит в дальнейшем вывести данную проблематику на более высокий методологический уровень исследований. В некоторых случаях для уточнения выявляемых в процессе исследования определенных неточностей или противоречий, встреченных в ряде научных изданий, нами привлекаются дополнительные материалы. Они помогают конкретизировать ранее известные сведения, а также служат источником для формирования новых задач последующих научных изысканий.

Исследование проблемы. Одним из первых свидетельств наличия в погребальных памятниках Ростовской области фигурных предметов из «египетского» фаянса является обнаружение В.Г. Тизенгаузенем в 1887 г. в грунтовом некрополе у с. Недвиговки скарабея, фигурки Бэса и гермы. Материалы его раскопок были помещены в фонды ГИМ. Информация об этом содержится в публикации Б.Б. Пиотровского [40. С. 30. Прим. 4].

В ОАК за 1912 г. опубликованы раскопки Н.И. Веселовского, произведенные им в 1908 г. на землях хут. Недвиговского, где в погребении № 19 на шее и груди детского костяка помимо других украшений были обнаружены и амулеты из фаянса – 5 скарабеев, 1 лев на овальной плакетке, 2 фигурки жабы и 1 – души «Ба» [38. С. 127. Рис. 184]. В статье Б.Б. Пиотровского приводится несколько иной перечень: подвеска в виде души – птицы Ба, 5 скарабеев, 2 фигурки львов и 2 лягушки [40. С. 30].

В 1927 г. Л.А. Ширман публикует информацию о находке во время исследования разрушенных погребений грунтового некрополя Кизитиринского городища фрагмента амулета из египетской пасты голубого цвета в виде верхней части человеческой фигуры. В публикации приводится и ее фото [45. С. 2–3. Фото]. Позднее Б.Б. Пиотровский также упоминает этот предмет как «фрагмент пастовой гермы из могильника Кизитиринского городища» [40. С. 30]. Он же приведен и в небольшой брошюре Е.П. Савельева, вышедшей в 1930 г. [42. С. 8. Фото].

В 1931 г. Б.Б. Пиотровским была опубликована статья, в которой некоторое место было уделено находкам и из Ростовской области. В частности, помимо иных предметов из дореволюционных раскопок им упоминается, что

в Государственном Донском областном музее хранятся герма и «виноградная гроздь» (находки 1928 г.), там же имеются и скарабей, герма, фигурка божества и фаллическая подвеска из разрушающегося некрополя Гниловского (Брянцевского) городища [40]. В последующем эти предметы были утеряны в ходе событий Отечественной войны.

В работе 1949 г., посвященной античному Танаису, Т.Н. Книповичом было отмечено, что для некрополя этого городища типично нахождение подвесок из египетского фаянса, среди которых – фигурки Ба, Бэса, львов, лягушек, скарабеев, фаллических привесок, в виде виноградной грозди и других. При оценке наборов из подобных предметов исследователем были привлечены аналогии из дореволюционных раскопок 1867 и 1908 г., произведенных Н.И. Веселовским, их датировка – I – II вв. н.э., что подтверждает предположения этого исследователя, высказанное им еще в 1905 г. Автор отметил, что эти находки – 7 скарабеев (4 из них – мелкие), 1 – Ба, 1 – плакетка со львом на овальной плакетке – хранятся в фондах государственного Эрмитажа [17. С. 42. С. 44. Рис. 4].

В 1973 г., во время строительных работ в центре г. Новочеркаска, во дворе дома № 61 по ул. Подтёлкова строители случайно обнаружили погребение, в котором была найдена бусина – скарабеоид, по мнению авторов публикации комплекса, предположительно выполненная из известняка. Судя по фото зачистки погребения и цветному фото предмета, скорее всего, предмет был выполнен из т.н. «египетского фаянса», который был сильно поврежден влагой, т.к. в процессе зачистки погребения выпавшие снег и дождь основательно промочили его заполнение. Комплекс, хранящийся в фондах музея истории донского казачества г. Новочеркаска, впоследствии был опубликован А.Б. Дедюлькиным. В его составе некоторые предметы, в том числе и данная бусина, отсутствуют, вероятно, находясь в иной коллекции [35; 37. С. 68. Рис. 1, 4; 12. С. 71–72. Рис. 2, 4].

В сводке Е.М. Алексеевой, опубликованной в 1975 г., присутствуют 4 амулета из фаянса, найденных на территории Танаиса: тип 23 – сфинкс бирюзового цвета с деталями, подчеркнутыми желтым цветом – обнаружен в заполнении грунта из помещения «А» раскопа IV; тип 37 – фигурка патека бирюзового цвета – из культурного слоя городища; тип 43 – амулеты округлой в плане формы, с ушком для подвешивания, изготовлен из грубой сероватой массы, покрыт глазурью голубого цвета – найден в 1973 г. в культурном слое городища; скарабей, тип 50, вариант В (03) – из культурного слоя городища [1. С. 35. С. 39. С. 41–42. Табл. 6, 27. Табл. 16].

В 1979 г. Б.А. Раевым составляется каталог археологических предметов, хранящихся в Новочеркасском музее казачества. В перечне других предметов также приводится описание и рисунок амулета из фаянса – амфоровидной подвески с продольными каннелюрами и фрагментированным ушком для привешивания. Кроме того, упомянут и фрагмент еще одной пастовой подвески. Автором было отмечено, что место этих находок неизвестно [16. С. 136.

Табл. 21, 22–23]. В то же время следует отметить, что эти данные могут быть конкретизированы при обращении к описаниям и паспортам предметов из данного музея, выполненных Х.И. Поповым, в т.ч. – и т.н. «амфоровидных» подвесок. По наблюдениям А.И. Семенова, опубликовавшим в 1982 г. рецензию на каталог, составленный Б.А. Раевым, его автор опознал изображения этих двух подвесок. Причем по одной фотографии – сразу обеих, не отметив описаний с паспортами на эти предметы, уже составленными ранее его предшественником [41; 43. С. 280]. Вполне возможно, что в данном музее будут выявлены и иные фигурные формы из фаянса.

В 1981 г. В.Е. Максименко публикует краткую информацию о том, что в курганах № 3, 6–8, 10–14, 16 Сладковского могильника и курганах № 1 и 2 группы «Полевой стан – II» содержались захоронения I–II вв. н.э., в которых, несмотря на ограбления, были найдены и украшения из «египетского» фаянса [34. С. 4].

В 1984 г. Е.И. Беспалым раскапывался курганный могильник «Красногоровка – I». В погребении № 3 кургана № 1 были найдены амулеты из фаянса: лев на овальной плакетке светло-зеленого цвета, подвеска в виде крокодила голубого цвета, на спине – петелька для подвешивания, плоская округлая подвеска из грязно-зеленого фаянса с рельефным изображением женской головы, подвеска в виде стилизованной фигурки птицы, с отбитым в древности ушком для подвешивания, расположенным на спине. Цвет изделия в отчете не указан. В заполнении встречены: пронизь округлой в плане формы из темно-синего фаянса с рельефным изображением женского лица и подвеска из голубого фаянса – лев на овальной плакетке. Кроме того, в погребении найдены: скарабей из прозрачной бесцветной массы, поверхность – позолочена, подвеска – «кукиш», подвеска – «гениталии», в виде лягушки на овальной подставке, 2 льва на плакетках прямоугольной формы и амфоровидная подвеска из голубой непрозрачной пасты. Полноценной публикации этих материалов в научных изданиях нет. Их краткий анализ содержит работа О.П. Борисенко, защищенная в качестве выпускной в 2006 г. [8; 5. Рис. 162, 5. Рис. 163, 10. Рис. 163, 11. Рис. 165. Рис. 162, 5. Табл. LVII. 3. № 96. Табл. LVII. 5-а. № 97. Табл. LVII. 4-а. № 127. Табл. LVIII. № 95. С. 66–68]. Фото и краткое описание амулетов из погребения № 3 кургана № 1 курганного могильника у с. Красногоровка имеются в каталоге, выпущенном по итогам выставки в Париже в 2001 г. В их числе – 2 фигурки львов на овальных плакетках, 1 жабы, 3 скарабея, округлый амулет с ушком для подвешивания с женской головой в профиль, рука-кукиш. Там же опубликованы некоторые сведения и о скарабее из г. Таганрога, такой же находке – из погребения № 2 кургана № 2 могильника у с. Ново-Николаевка (раскопки 1990 г.), а также амулетах из фаянса из раскопок В.Е. Максименко 1978 г. – Сладковский могильник, курган № 14, погребение № 1. В их числе – плакетка со львом, лягушка, кукиш и «гениталии» [31. С. 252–254. № 292–295, 289–290. С. 230. № 291; 33].

Значительное число подобных предметов было найдено в погребениях грунтового могильника Кобякова городища. В 1986 г. В.М. Косяненко публикует амулеты из «египетского» фаянса, найденные в некрополе Кобякова городища. Всего из изученных на то время 276 погребений они были встречены в 3 захоронениях: № 29 и 50 из раскопок 1957 и № 5 – 1958 г. В первом из них найдено 4 амулета: фигурка Гарпократа и лев на плакетке овальной формы – темно-бирюзового цвета, виноградная гроздь – серо-голубого цвета, и кукиш (цвет не указан). Во втором – 2 предмета: фигурка сидящего Гарпократа темно-бирюзового цвета и виноградная гроздь (цвет не указан). В третьем: 3 гермы виде человеческой фигуры, задрапированной в плащ, 1 из них – во фрагментах, цвет также не указан. Кроме этого, среди случайных находок были встречены: виноградная гроздь светло-голубого цвета и круглая плакетка с головой Гора светло-голубого цвета. Автором публикации было отмечено, что 7 фигурных форм были найдены в 2 детских погребениях – № 29 1957 г. и № 5 1958 г. и 2 – в погребении взрослой женщины – № 50 1957 г. Все захоронения были датированы I в. н.э. [20. С. 235–238. С. 236. Рис. 1. 1–10].

В 1988 г. был опубликован комплекс предметов из богатого одиночного захоронения, найденного в с. Недвиговка летом 1972 г. Среди прочих находок отмечены 2 подвески из фаянса в виде львов на прямоугольных плакетках. На рисунке приведено одно изображение. Комплекс датирован концом III – началом IV в. н.э. [7. С. 45. Рис. 2, 5]. В 2001 г. издается монография, в которой приведен и этот комплекс, причем таблица иллюстрации воспроизведена по изданию 1988 г. На цветной фототаблице присутствует изображение лишь одной подвески [4. Табл. 83. № 1051].

В 1991 г. Е.В. Козюменко публикует находку скарабея, происходящего из погребения № 3 кургана № 2 из Ново-Николаевского курганного могильника № 2, на его оборотной стороне – иероглиф. Дата погребения – I–II вв. н.э. Предмет выставлен в витрине т.н. «Золотой комнаты» в Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике [19. С. 17].

В 1992 г. Л.С. Ильюков и М.В. Власкин публикуют материалы раскопок у хут. Новый и хут. Долгий (работы 1984 г.). В погребении № 1 кургана № 62 найдена половина плакетки овальной формы с фигурой льва. В погребении № 4 кургана № 2 найдена амфоровидная подвеска бирюзового цвета с перетяжкой у дна. Материалы хранятся в Аксайском военно-историческом музее [15. С. 162. С. 72. Рис. 17, 25. С. 161. Рис. 41, 18. АВИМ, КП № 17910/1370].

В 1994 г. в материалах XVIII международной научной конференции «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа» В.М. Косяненко представляется доклад, посвященный детским погребениям с амулетами, найденными на данном могильнике. Отмечено, что из 17 детских погребений в 13 были обнаружены изделия из египетской пасты: фигурки Гарпократа, грозди винограда, лев, кукиш. Чаще всего в таких захоронениях находят по несколько амулетов. Помимо детских такие находки присутствуют и в женских погребениях, но заметно реже. Их наличие в захоронениях детей автором объясняется

как желание снабдить их большим числом необходимых средств для благополучного перехода в иной мир, т.к. амулеты, по представлению древних людей, осуществляли связь между мирами, между небом и землей [21. С. 519].

В 1998 г. В.Е. Максименко публикует монографию, посвященную сарматским памятникам Дона [36]. В ней в том числе приводятся рисунки нескольких амулетов. Так, на рисунке 240,18 изображен сильно поврежденный скарабей, по автору – из раскопок 1972 г. могильника Сонино, курган № 8, погребение № 1. В отчете, хранящемся в архиве Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника [32. С. 2. № 3], указано, что в катакомбном погребении № 1 кургана № 6 найден скарабей из разложившегося «египетского» фаянса [Рис. 3. Табл. XXXII отчета]. Данный предмет хранится в фондах того же музея [АМЗ. КП № 17900/78].

На том же рисунке под № 22 изображен рифленый «амфориск», показанный как происходящий из кургана № 14 Сладковского могильника, раскопки 1970 г. Но этот курган копался в 1978 г., о чем свидетельствует и подпись под еще одним рисунком – № 26, где изображен амулет в виде руки. На том же рисунке под № 24 изображен предмет из фаянса (так указано в описании к таблице) – фигурка божества. Место находки: Алитуб, 1971 г., курган № 26, погребение № 1. В отчете И.М. Засецкой за 1971 г., хранящегося в том же музее [13. С. 82. С. 108], приведены иные данные: курган № 19, погребение № 4: – 3 скарабея, 2 – из голубой, 1 – из светло-зеленой пасты. В отчете приведена ссылка на опись [Инв. № 186 А-71/19-4], но остается неясным, на какую, т.к. в Азовском музее этих предметов нет, поскольку коллекция из Алитуба – 1971 г. хранится в фондах Ростовского областного музея краеведения. По сведениям сотрудника ООО «Археологическое научно-исследовательское бюро» (г. Ростов-на-Дону) В.Г. Глебова, работавшего с предметами из этого погребения, среди них есть лишь 3 стеклянные бусины, которым была придана форма т.н. «скарабеоидов». Подобный прием был зафиксирован для бусины из погребения № 4 кургана № 3 могильника «Валовый – I», когда с помощью коротких надпилов была получена форма, имитирующая скарабея [6. С. 13. С. 96. Табл. 7.4.К]. Можно предположить, что данные предметы просто не были сданы вместе со всеми другими материалами (утеряны)? Однако в тексте отчета автором сделана ссылка на иллюстрацию (табл. XXIII, 4), где изображены бусы, в т.ч. и 3 в форме т.н. «скарабеоидов», тогда как скарабеев – нет. Также неясной остается и судьба других подобных же находок из погребения № 2 кургана № 27 того же могильника. В тексте отчета написано, что в нем было 11 скарабеев из голубой пасты. При этом ссылки на иллюстрацию в отчете сделано не было. Сами скарабеи в фондах Ростовского областного музея краеведения пока также не найдены.

В 1999 г. в журнале «Донская археология» был опубликован погребальный комплекс из кургана № 26, погребения № 1 того же могильника, где издан и амулет в виде сидящего на корточках человека с четко выделенной шапочкой на голове, с кубком в руках, изготовленный из гешира [14. С. 58. Рис. 4.1].

Однако у рисунка в монографии В.Е. Максименко ноги у фигурки скрещены, шапочка отсутствует, профилировка лица иная, указанный материал – «египетская» паста. Четвертый предмет (подвеска в виде руки) указан как происходящий из раскопок на Сладковском могильнике в 1978 г., курган № 14 [С. 240. Рис. 57.26]. В витрине т.н. «Золотой комнаты» в Азовском музее [АМЗ. КП № 16429/136-б] данный предмет размещен вместе с другими амулетами, в том числе происходящими из вышеозначенного погребения. Согласно полемому отчету [33. Рис. LVII.5а. № 97] этот предмет действительно происходит из данного могильника.

В каталоге С.И. Ходжаш, опубликованного в том же году, приведены прорисовки и фотографии 8 скарабеев из Крепинского могильника № 1, без указания на номера кургана и погребения. В этом же издании приведены рисунок и фото скарабея из раскопок 1956 г., найденного в некрополе Танаиса, с прорисовкой его тыльной стороны [44. С. 196–197]. Для всех предметов указаны номера хранения (Ростовский областной музей краеведения и Таганрогский краеведческий музей). В ходе работы с коллекциями РОМК удалось установить, что 6 из них были найдены в погребении № 1 кургана № 15 [РОМК. КП № 4001/ 106–109.111], остальные 2, выставленные в постоянной экспозиции музея, происходят из погребения № 1 кургана № 14 того же могильника [РОМК, КП № 4001/93-94].

В 2000 г. коллективом авторов издается сводная работа, посвященная раскопкам Темерницкого городища. В ней приведены сведения и о находке фрагментированной фигурки льва, изготовленной из фаянса плохого качества. Согласно В.А. Ларенок и С.А. Яценко, она была найдена при зачистке борта котлована под строительство жилого дома, на ЮЗ стороне холма, по ул. Мостовой, дом № 7 в ноябре – декабре 1980 г. Культурный слой здесь был датирован I–IV вв. н.э. В РОМК на этот счет несколько иные данные: предмет был обнаружен 17 июля 1976 г. при зачистке борта котлована на углу пер. Долмановского и площади им. 5-го гвардейского казачьего корпуса [24. С. 18–21. С. 20. С. 28. Табл. 10.10; акт № 3480 от 06.08.1979 г. РОМК. КП № 4572/1. А-III к/68].

В опубликованном в 2003 г. буклете «Учебный музей археологии» приводится фото плакетки со львом, найденного на территории Ростовской области. Точных сведений о ее происхождении нет, скорее всего, предмет был найден в ходе раскопок археологов Ростовского Государственного педагогического университета, как и другой амулет в виде человеческой фигурки из фаянса голубоватого цвета, размещенной рядом со львом в витрине № 10.

В 2006 г. отряд экспедиции АНИБ исследовал курган № 3 курганного могильника «Рябичев», расположенного на левом берегу р. Дон в Волгоградском районе Ростовской области. В детском погребении № 6 среди прочего погребального инвентаря в районе шеи погребенного среди бус были найдены 2 амфоровидные подвески, названные автором в тексте публикации «подвески

из египетского фаянса в виде конусов с вертикальными желобами», а также подвеска кукиш. Цвет изделий не указан [39. С. 33. С. 34. С. 60. Рис. 7.3.5.7].

В 2008 г. В.М. Косяненко издается монография с публикацией всех авторских материалов из этого некрополя, в которой были учтены 34 комплекса раскопок 1956,89 – 1957, 32 – 58, 29 – 1959, 21 – 1960,43 – 1961 и 28 – 1962 г. В том числе издаются и погребения с амулетами из египетского фаянса. Среди важных деталей – формы могильных сооружений и позы погребенных, их ориентировки, уточняется цвет некоторых находок и ряд деталей формы, местонахождение в захоронении. В погребении № 29 среди находок присутствуют 2 плакетки с фигурками львов, что на 1 больше, чем в публикации 1986 г. Погребение № 50: амулеты найдены в районе грудной клетки, Гарпократ и виноградная гроздь – бирюзового цвета. Погребение № 5: амулеты располагались у черепа, в том числе фигурка Гарпократа темно-бирюзового цвета. Случайная находка амулета в виде грозди винограда светло-голубого цвета была сделана в 1956 г. Относительно года обнаружения плакетки с головой Гора, у которой оказалась слегка выгнута обратная сторона, сведений нет [22. С. 147. Рис. 32.12. С. 247. Рис. 6.11. С. 304. Рис. 325.10–12. С. 318. Рис. 38.1, 39. С. 148. Рис. 38.9. С. 149. С. 356. Рис. 53.6–8].

В том же году В.А. Ларенок публикует еще одну работу, в которой приведено фото 10 амулетов, найденных в погребениях некрополя Кобякова городища: 3 – виноградные грозди, 2 фаллических амулета, 1 – лев на прямоугольной подставке, 3 – антропоморфные (личины и фигурки египетских божеств: Герпократа, Сохмет Ба, Сераписа, Гора, Бэса). Указаний на то, из каких погребений данные предметы, в работе нет [25. С. 27–29].

В 2010 г. ею, совместно с А.Н. Масловским, издаются материалы раскопок на Крепостном городище в 2006–2008 гг., среди которых – погребение № 164, в инвентаре которого присутствует 1 скарабей, на обороте – прочерченный знак, цвет предмета не указан [23. С. 366–368. Рис. 7].

В 2011 г. публикуется монография А.А. Горбенко и В.М. Косяненко с материалами, полученными в ходе многолетних раскопок на могильнике «Крепостного городища», расположенного в центре г. Азова, возникшего на рубеже I в. до н.э. – I в.н.э. В ней представлены и комплексы с амулетами из «египетского» фаянса. Погребение № 2 (1972 г.). Подвеска в виде фаянсовой пуговицы светло-голубого цвета округлой формы, щиток украшен в виде 8-лепестковой розетки, с оборотной стороны – широкая петля. Погребение № 16 (1972 г.). Подвеска в виде алтарика, белого цвета, с бирюзовым покрытием, основание – плоское, моделирована со всех сторон. Погребение № 5 (1988 г.) Амфоровидные подвески с каннелированным туловом, 3 – голубого, 2 – синего цвета. Погребение № 9 (2003 г.). Найдена фигурка в виде стоящего мужчины в виде столбика на прямоугольной подставке, ушко для подвешивания – на спине, цвет – бирюзовый. Погребение № 164 (2007 г.). В инвентаре – скарабей [11. С. 89. С. 99. С. 116. Рис. 9.5. С. 194. 197–198. С. 199.

Рис. 25.2. С. 100. С. 321. Рис. 88-а.2. С. 316. 318–320. С. 378. Рис. 122.3. С. 99. С. 421. Рис. 182.2. С. 471–474].

Масштабные раскопки на могильнике Кобякова городища производились В.А. Ларенок – в 1999–2000, 2001, 2002, 2004 и 2007 г. Работы полевого сезона 1999–2000 гг. были опубликованы в монографии 2013 г. [27]. Ниже приводятся краткие данные о захоронениях, с указанием номеров хранения предметов в археологических фондах Ростовского областного музея краеведения.

Из 61 раскопанного в 1999 г. погребения амулеты из фаянса были найдены в 3 из них. Погребение № 36: в инвентаре есть скарабей голубого цвета [РОМК. КП 23277/96.27. С. 27–28. С. 301. Табл. 18.11]. Погребение № 45: найдена амфоровидная подвеска с каннелюрами голубого цвета [КП № 23277/144. 27. С. 31. С. 303. Табл. 20.17]. Погребение № 59: в ожерелье есть подвеска голубого цвета в виде виноградной грозди [РОМК. КП № 23277/155. С. 42. С. 310. Табл. 27.3].

Из 358 раскопанных в этом году погребений амулеты из фаянса были обнаружены в 7 из них. Погребение № 108: в составе ожерелья – подвеска – кукиш и т.н. «алтарик» [РОМК. КП № 25726/221.27. С. 103. С. 349. Табл. 66. 2 и 3]. Погребение № 184: вокруг черепа – скопление бусин, там же – подвеска – «гениталии» [РОМК. КП № 25726/895.27. С. 142–143. С. 327. Табл. 89.,22]. Погребение № 207: обнаружена подвеска в виде птичьей лапки [РОМК. КП № 25726/412.27. С. 156. С. 382. Табл. 99.6]. Погребение № 247: в тексте публикации комплекса отмечено, что был найден фрагмент скарабея голубого цвета [РОМК. КП № 25726/639.27. С. 194. С. 406. Табл. 123.2]. Но на указанной иллюстрации под данным номером изображена фибула. На плане погребения и в подстрочной подписи на с. 407 указано: «3–4 – подвески-«скарабеи», но их рисунков нет. Возможно, речь идет о бусинах – т.н. «скарабеоидах». Погребение № 294: найдена подвеска – виноградная гроздь голубого цвета, рисунка предмета нет [РОМК. КП № 25726/894.27. С. 207]. Погребение № 312: среди инвентаря – лев на плакетке овальной формы, цвет не указан [РОМК. КП № 25726/768.27. С. 220]. В тексте указан рисунок предмета – с. 421, табл. 138,29, на самом деле это с. 422, табл. 139,29. Погребение № 357: 2 льва голубого цвета на прямоугольных подставках [РОМК. КП № 25726/879-880.27. С. 246. С. 439. Табл. 156.5].

Через 3 года ею же издается вторая монография, с публикацией материалов из раскопок 2000–2001 гг. [28]. Среди них есть и амулеты из фаянса. Ниже приведены сведения о находках по годам их обнаружения.

Раскопки 2001 г. Погребение № 13: подвеска-герма, отлитая в форме, на прямоугольной подставке, на спине – петля для подвешивания. Цвет не указан [РОМК. КП № 25113/40. 28. С. 105–106. С. 291. Табл. 72.3]. Плакетка с головой Гора – округлой формы, из массы сероватого цвета [РОМК. КП № 25113/41.28. С. 106. С. 291. Табл. 72.,4].

Раскопки 2002 г. Погребение № 22: обнаружена подвеска «кукиш», цвет описан как «голубой с белой пагиной» и «бирюзовый» [РОМК. КП № 25003/55.28.

С. 134. С. 238. Табл. 19.3]. Остальные фигурные предметы из фаянса (раскопки 2004 и 2007 г.) должны быть опубликованы в третьей монографии, выход которой запланирован на середину 2017 г., информация о них пока опубликована лишь фрагментарно. Так, в материалах V Кубанской археологической конференции опубликованы тезисы ее доклада с информацией о том, что в ходе новостроечных работ под строительство торгового комплекса «Метро кэш энд керри» в раскопе I было расчищено 376 погребений первых веков н.э., ориентированных на ССЗ. Помимо других предметов были найдены и около 20 различных подвесок из египетского фаянса [26. С. 209–210].

В настоящее время в фондах Ростовского областного музея краеведения, наряду с прочими материалами из ее раскопок, хранятся и амулеты, найденные в сезоне 2007 г., всего 11 экземпляров. Среди них: погребение № 2: лев на овальной плакетке голубого цвета [РОМК. КП № 25753/3]; погребение № 13: антропоморфная фигурка из голубого фаянса, на спине – петля для подвешивания [РОМК. КП № 25753/2804]; погребение № 84: подвеска в виде гениталий голубого цвета (РОМК КП № 25753/1218); 2 подвески в виде виноградных гроздей серого и грязно светло-фиолетового цветов [РОМК. КП № 25753/1219–1220]; фигурка человека из голубого фаянса, на спине – петля для подвешивания [РОМК. КП № 25753/1221]; такая же фигурка, но с обломленной петлей [РОМК. КП № 25753/1222]; погребение № 144: лев на прямоугольной плакетке голубого цвета [РОМК. КП № 25753/1802]; погребение № 147: 2 подвески в виде гениталий из голубого фаянса [РОМК. КП № 25753/1809–1810] и 1 – виноградная гроздь серовато-фиолетового цвета [РОМК. КП № 25753/1811].

Заключение. Анализируя представленную здесь литературу, следует заметить, что количество работ в конце XIX – первые десятилетия XX в. в целом соответствовало объемам полевых исследований, результатам раскопок и обнаружению в них амулетов из фаянса. В дальнейшем интерес к данной теме был незначителен, что подтверждается редкостью публикаций, в которых нашли отражение результаты раскопок. Представляемые условия обнаружения амулетов из фаянса, их описание было лапидарным. И лишь в начале XXI в. стали публиковаться работы монографического характера, в которых предметы фигурных форм из фаянса представлены с достаточными подробностями. Особенностью литературы, посвященной находкам с территории Ростовской области, является то, что предметы из грунтовых некрополей в ней публикуются заметно более полно, чем такие же, происходящие из курганных могильников. Материалы, добытые в них, издаются редко. В ряде случаев представляемая информация противоречива и не всегда подтверждается материалами, хранящимися в археологических фондах, работа в которых требует значительного времени и усилий, особенно по выявлению амулетов из курганных комплексов. Некоторые ее итоги будут представлены в последующей отдельной специальной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-12. М., 1975. 104 с.
- [2] Анфимов Н.В. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья (по материалам грунтовых могильников). Диссертация на соискание звания канд. ист. наук. Краснодар, 1954. Рукопись. Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Фелицына. КМ. № 217.
- [3] Анфимов И.Н. Амулеты из египетского фаянса первых веков н.э. из Прикубанья // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*, вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. (отв. ред.: А.Б. Белинский). М.: «Памятники исторической мысли»; Ставрополь: «Наследие», 2008. С. 313–314.
- [4] Арсеньева Т.М., Безруков С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.). М.: «Палеограф». 2001. 375 с., илл.
- [5] Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1984 г. // Архив АМЗ. КВФ. 10 489/1. 10 489/2.
- [6] Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый – I». Материалы и исследования по археологии Юга России. Т. 2 (отв. ред.: А.В. Симоненко). ЮНЦ РАН. Ростов-н/Дону. 2007. 186 с.
- [7] Безуглов С., Захаров А. Богатое погребение позднееримского времени близ Танаиса // *Известия Ростовского областного музея краеведения*. Вып. 5. Ростов-н/Д. 1998. С. 42–66.
- [8] Борисенко О.П. Комплекс украшений из кургана № 14 Сладковского могильника. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Ростов-н/Дону, 2006. 67 с., илл.
- [9] Борисенко О.П. Краткий историографический обзор исследований предметов египетского импорта в отечественной литературе XX в. // *Рубикон. Сборник научных работ молодых ученых*. Вып. 46 (ред.: А.Л. Бойко). ЮФУ, НМЦ «ЛОГОС». 2007. С. 123–125.
- [10] Бурков С.Б. Из истории изучения амулетов и талисманов из т.н. «египетского фаянса» с территории Северного Кавказа и сопредельных областей по изданиям конца XIX – начала XXI вв. (вопросы историографии) // *Из истории культуры народов Северного Кавказа*. Вып. 8 (гл. ред.: Ю.А. Прокопенко). Ставрополь. СКФУ. 2016. С. 53–62.
- [11] Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Панадиса (Крепостного городища). Донские древности. Вып. 11. Азов. Издательство Азовского музея-заповедника. 2011. 512. с.
- [12] Дедюлькин А.В. Материалы из погребения, исследованного в 1973 г. в г. Новочеркасске, из фондов музея истории донского казачества // *За рекой за Танаисом: сборник памяти В.Е. Максименко* (ред.: В.А. Коренько, А.Л. Бойко). ЮФУ. Ростов-н/Дону. 2015. С. 71–72.
- [13] Засецкая И.П. Отчет о работе Манычского отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г. Курганный могильник у х. Алитуб Аксайского района Ростовской области // АМЗ. № 10190/4.
- [14] Засецкая И.П., Илюков Л.С., Косяненко В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // *Донская археология*. 1999. № 2 (3). С. 51–60.

- [15] Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча (отв. ред.: В.Я. Кияшко). РГУ. Ростов-н/Дону. 1992. 288 с.
- [16] Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества (Составитель Б.А. Раев). Новочеркасск. 1979. 161 с.
- [17] Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. Л. АН СССР. 1949. 178 с.
- [18] Кожин О.И. Магистерская диссертация на тему: «Бусы и подвески I–III вв. н.э. из некрополя Кобякова городища (краткое описание роли в погребальном обряде)». Ростов-н/Д. 2009. 72 с.
- [19] Козюменко Е.В. Исследования курганов у села Ново-Николаевка в 1990 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10 (отв. ред.: В.Я. Кияшко). Азов. 1991. С. 17–19.
- [20] Косяненко В.М. Египетский импорт из некрополя Кобякова городища // СА. 1986. № 3. С. 235–238.
- [21] Косяненко В.М. Наборы амулетов из детских погребений некрополя Кобякова городища // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. (отв. ред.: А.Б. Белинский). М.: «Памятники исторической мысли». Ставрополь. «Наследие». 2008. 976 с., илл. С. 519.
- [22] Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов. Азовский музей-заповедник. 2008. 544 с., илл.
- [23] Косяненко В.М., Масловский А.Н. Раскопки некрополя Крепостного городища в 2006–2008 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Выпуск 24 (отв. ред.: В.Я. Кияшко). Азов. 2010. 496 с.
- [24] Ларенок В.А., Яценко С.А. Культурный слой // Отражение прошлого (Темерницкое городище). Ростов-на-Дону. 2000 г. С. 16–21.
- [25] Ларенок В.А. Меотские древности, или рассказ о древних жителях Ростова. Некрополь Кобякова городища. Ростов-н/Дону. ЗАО НПО «Наследие Дона». 2008. 32 с.
- [26] Ларенок В.А. Погребальный обряд некрополя Кобякова городища // V Кубанская археологическая Конференция. Материалы конференции (отв. ред.: И.М. Марченко). Краснодар. 2009. С. 206–210.
- [27] Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов некрополя Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть I. Ростов-н/Дону. ООО «Донской Издательский Дом». 2013. 448 с., илл.
- [28] Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000–2001, 2002, 2004 годов. Часть II. Ростов-н/Дону. ООО «Донской издательский дом». 2016. 320 с., илл.
- [29] Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. // Отдельный оттиск № 1–6 Бюллетеня Северо-Кавказского бюро краеведения за 1927 г. Ростов н/Дону. 1927. С. 1–14.
- [30] Лунин Б.В. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. // Отдельный оттиск № 1–2 журнала «Краеведение на Северном Кавказе». Ростов-н/Дону. 1928 г. С. 10–17.
- [31] L'or des Amazones Reuples nomads Asie et Eatore VI sie'cle av. I-cIV seise'cle apr. J.-C. Muse'e cernushi muse'e des de l'asie dela Vill de Paris 16-vars-15juillet 2001. Pasis muse'es. 2001. 301 с.

- [32] Максименко В.Е., Горбенко А.А. Основная часть отчета о раскопках курганов в пойме реки Ея в 1972 году // АМЗ. КФ. № 10190/9.
- [33] Максименко В.Е. Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.
- [34] Максименко В.Е. Работы Тацинского отряда Азово-Донской экспедиции // Итоги исследований объединенной Азово-Донской археологической экспедиции, Азовского краеведческого музея, Ростовского ордена «Трудового Красного знамени» Государственного университета и Ростовского ордена «Знак Почета» Государственного педагогического института в 1976–1981 гг. Тезисы докладов конференции. Азов. 1981. С. 3–5.
- [35] Максименко В.Е., Савченко Е.И. Отчет о раскопках сарматского погребения, обнаруженного в г. Новочеркасск // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 4796.
- [36] Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Древности Дона. Вып. 6 (отв. ред.: В.Б. Виноградов). Азов. Азовский краеведческий музей. 1998. 304 с.
- [37] Максименко В.Е., Савченко Е.И. Раннесарматское погребение в Новочеркасск // За рекой за Танаисом: сборник памяти В.Е. Максименко (ред.: В.А. Кореньяко, А.Л. Бойко). ЮФУ. Ростов-н/Дону. 2015. С. 64–70.
- [38] ОАК. 1908 г. СПб. Типография Главного Управления уделов. 1912. 226 с.
- [39] Парусимов И.Н. Раскопки курганов могильника Рябичев // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Том IV (отв. ред.: А.В. Захаров). Ростов-на-Дону. 2009. С. 32–71.
- [40] Пиотровский Б.Б. Египетские предметы в Северо-Кавказском крае // Сообщения ГАИМК. 1931. № 6. С. 28–31.
- [41] Попов Х.И. Описания археологического отдела Донского музея. Новочеркасск (б/г). 614 с.
- [42] Савельев Е.П. Археологические очерки Дона (лекции по краеведению). Выпуск III. Новочеркасск. Издание Новочеркасской деткомиссии. 1930. 16 с.
- [43] Семёнов А.И. Рецензия на: Каталог археологических коллекций. Музей истории Донского казачества (Составитель Б.А. Раев). Новочеркасск. 1979. С. 3–93, 33 табл. // СА. 1982. № 4. С. 278–284.
- [44] Ходжаш С.И. Древнеегипетские скарабеи. Каталог печатей и скарабеев из музеев России, Украины, Кавказа и Прибалтики. М. «Восточная литература». 1999. 317 с., илл.
- [45] Ширман Л.А. Кизитиринский некрополь (могильник Кизитиринского городища Донского округа) // Записки Северо-Кавказского Краевого общества археологии, истории и этнографии. Выпуски 3–4. Том III. Книга 1. Отдельный оттиск. Ростов н/Дону. 1927. С. 1–4.

**AMULETS OF THE “EGYPTIAN” FAIENCE
FROM THE TERRITORY OF ROSTOV REGION
IN THE PUBLICATION OF LATE XIX – EARLY XXI C.C.**

S.B. Burkov

State Budget Institution “Institute of History and Archaeology”
46 Vatutina St., Vladikavkaz, 362025, Russian

S.M-A. Gadalrab

Institute of History and International Relations
of the South Federal District, Rostov-on-Don
105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian

The article is devoted to the historiographical review of publications dated by late XIX – early XXI centuries and containing information about amulets and talismans of the “Egyptian” faience, found in the settlements and burial grounds in Rostovskaya region. In order to refine the circumstances of identification and origin of some objects, catalogues and archives where these objects were published were additionally used. This article is the first experience in the Russian historiography related to the history of publishing of faience objects of certain shapes found on the territory of Rostovskaya region.

Key words: archeological studies, Egyptian faience, amulets, excavations, burial ground, plaque, pendant, funds, exposition, museum, historiographical studies, methodological level, complex, publication, article, catalogue

REFERENCES

- [1] Alekseeva E.M. Antichnye busy Severnogo Prichernomor’ja. SAI. Vyp. G1-12. M. 1975. 104 s.
- [2] Anfimov N.V. Osnovnye jetapy razvitija kul’tury meoto-sarmatskih plemjon Prikuban’ja (po materialam gruntovyh mogil’nikov). Dissertacija na soiskanie zvanija kandidata istoricheskikh nauk. Rukopis’. Krasnodar. 1954. Arhiv Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeja-zapovednika im. Felicyna. KM. № 217. 287 s.
- [3] Anfimov I.N. amulety iz egipetskogo fajansa pervyh vekov n.je. iz Prikuban’ja // Materialy po izucheniju istoriko-kul’turnogo nasledija Severnogo Kavkaza. Vyp.VIII. Krupnovskie chtenija 1971–2006 gg. (otv. red.: A.V. Belinskij). M. “Pamjatniki istoricheskoy mysli”. Stavropol’. Nasledie. 2008. S. 313–314.
- [4] Arsen’eva T.M., Bezrukov S.I., Tolochko I.V. Nekropol’ Tanaisa (raskopki 1981–1995 gg.). M. “Paleograf”. 2001. 375 s. ill.
- [5] Bepalyj E.I. Otchjot o rabotah Primorskogo arheologicheskogo otrjada Azovskogo muzeja v 1984 g. // Arhiv AMZ. 10 489/2.

- [6] Bespalyj E.I., Bepalaja N.E., Raev B.A. Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyj mogil'nik "Valovj – I". Materialy i issledovanija po arheologii Juga Rossii. Tom 2 (otv. red.: A.V. Simonenko). JuNC RAN. Rostov n/Donu. 2007. 186 s.
- [7] Bezuglov S., Zaharov A. Bogatoe pogrebenie pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa // Izvestija Rostovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija. Vyp. 5. Rostov n/Donu. 1988. S. 42–66.
- [8] Borisenko O.P. Kompleks ukrashenij iz kurgana № 14 Sladkovskogo mogil'nika. Vypusknaja kvalifikacionnaja rabota bakalavra. Rostov-n/Donu. 2006 g. 67 s., ill.
- [9] Borisenko O.P. Kratkij istoriograficheskiy obzor issledovaniy predmetov egipetskogo importa v otchechestvennoj literature XX v. // Rubikon. Sbornik nauchnyh rabot molodyh uchjonyh. Vyp. 46 (red.: A.L. Bojko). JuFU. NMC «Logos». 2007. S.123–125.
- [10] Burkov S.B. Iz istorii izuchenija amuletov i talismanov iz t.n. «egipetskogo fajansa» s territorii Severnogo Kavkaza i sopredel'nyh oblastej po izdanijam konca XIX – nachala XXI vv. (voprosy istoriografii) // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Vyp. 8. (gl. red.: Ju.A. Prokopenko). Stavropol'. SKFU. 2016. S. 53–62.
- [11] Gorbenko A.A., Kosjanenko V.M. Nekropol' Panadisa (Krepostnogo gorodishha). Donskie drevnosti. Vyp. 11. Azov. Izdatel'stvo Azovskogo muzeja-zapovednika. 2011. 512 s.
- [12] Dedjul'kin A.V. Materialy iz pogrebenija, issledovannogo v 1973 g. v Novoherkasske, iz fondov muzeja istorii donskogo kazachestva // Za rekoj za Tanaisom: sbornik pamjati V.E. Maksimenko (red.: V.A. Kosjanenko, A.L. Bojko). JuFU. Rostov-n/Donu. 2015. S. 71–72.
- [13] Zaseckaja I.P. Otchjot o rabote Manychskogo orjada Volgo-Donskoj jekspedicii v 1971 g. Kurgannyj mogil'nik u h. Alitub Aksajskogo rajona Rostovskoj oblasti // AMZ. № 10190/4.
- [14] Zaseckaja I.P., Il'jukov L.S., Kosjanenko V.M. Pogrebal'nyj kompleks srednesarmatskoj kul'tury u hut. Alitub // Donskaja arheologija. 1999. № 2 (3). S. 51–60.
- [15] Il'jukov L.S., Vlaskin M.V. Sarmaty mezhdurech'ja Sala i Manycha (otv. red.: V.Ja. Kijashko). RGU. Rostov-n/Donu. 1992. 288 s.
- [16] Katalog arheologicheskoi kollekcii (sostavitel' B.A. Raev). Novoherkassk. 1979. 161 s.
- [17] Knipovich T.N. Tanais. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. L. AN SSSR. 1949. 178 s.
- [18] Kozhin O.I. Magisterskaja dissertacija na temu: «Busy i podveski I–III vv. do n. je. iz nekropolja Kobjakova gorodishha (kratkoe opisanie roli v pogrebal'nom obrjade). Rostov-n/Donu. 2009. 72 s.
- [19] Kozjumenko E.V. issledovanie kurganov u sela Novo-Nikolaevka v 1990 g. // Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 1990 g. Vyp. 10 (otv. red.: V.Ja. Kijashko). Azov. Izdatel'stvo Azovskogo muzeja-zapovednika. 1991. 151 s.
- [20] Kosjanenko V.M. Egipetskij import iz nekropolja Kobjakova gorodishha // SA. 1986. № 3. S. 235–238.
- [21] Kosjanenko V.M. Nabory amuletov iz detskih pogrebenij nekropolja Kobjakova gorodishha // Materialy po izucheniju istoriko-kul'turnogo nasledija Severnogo Kavkaza. Vyp. VIII. Krupnogvskie chtenija 1971–2006 gg. (otv. red.: A.B. Belinskij). M. «Pamjatniki istoricheskoi mysli». Stavropol'. «Nasledie». 2008. S. 519.
- [22] Kosjanenko V.M. Nekropol' Kobjakova gorodishha (po materialam raskopok 1956–1962 gg.). Azov. Izdatel'stvo muzeja-zapovednika. 2008. 544 s., ill.

- [23] Kosjanenko V.M., Maslovskij A.N. Raskopki nekropolja Kobjakova gorodishha v 2006–2008 godah. Vyp. 24. (otv. red.: V.Ja. Kijashko). Alov. Izdatel'stvo Azovskogo muzeja-zapovednika. 2010. 496 s.
- [24] Larenok V.A., Jacenko S.A. kul'turnyj sloj // Otrazhenie proshlogo (Temernickoe gorodishhe). Rostov-n/Donu. 2000. S. 16–21.
- [25] Larenok V.A. Meotskie drevnosti, ili rasskaz o drevnih zhiteljah Rostova. Nekropol' Kobjakova gorodishha. Rostov-n/Donu. ZAO NPO «Nasledie Dona». 2008 g. 32 s.
- [26] Larenok V.A. Pogrebal'nyj obrjad nekropolja Kobkova gorodishha // V Kubanskaja arheologicheskaja konferencija. Materialy konferencii (otv. red.: I.M. Marchenko). Krasnodar. 2009. S. 206–210.
- [27] Larenok V.A. Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nyh kompleksov nekropolja Kobjakova gorodishha iz raskopok 1999–2000 gg. Chast' I. Rostov-n/Donu. OOO «Donskoj Izdatel'skij Dom». 2013. 448 s., ill.
- [28] Larenok V.A. Meotskie drevnitsij. Katalog pogrebal'nyh kompleksov Kobjakova gorodishha iz raskopok 2000–2001, 2002, 2004 godov. Chast'II. Rostov-n/Donu. Donskoj Izdatel'skij Dom». 2016. 320 s., ill.
- [29] Lunin B.V. Arheologicheskie raskopki i razvedki na Severnom Kavkaze v 1926 g. // Otdel'nyj ottisk № 1–6 B'ulletenja Severo-Kavkazskogo bjuro kraevedenija za 1927 g. Rostov-n/Donu. 1927. S. 1–14.
- [30] Lunin B.V. Arheologicheskie raskopki i razvedki na Severnom Kavkaze v 1927 g. // Otdel'nyj ottisk zhurnala «Kraevedenie na Severnom Kavkaze» Rostov-n/Donu. 1928. S. 10–17.
- [31] L'or des Amazones Reuples nomads Asie et Eatore VI sie'cle av. I-cIV seise'cle apr. J.-C. Muse'e cernushi muse'e des de l'asie dela Vill de Paris 16-vars-15juillet 2001. Pasis muse'es. 2001. 301 c.
- [32] Maksimenko V.E., Gorbenko A.A. Osnovnaja chast' otchjota o raskopkah kurganov v pojme reki Eja v 1972 godu // AMZ. KF. № 10190/9.
- [33] Maksimenko V.E. Otchjot o raskopkah Sladkovskogo kurgannogo mogil'nika v Tacinskom rajone Rostovskoj oblasti v 1978 godu // Arhiv IA RAN. R-1. № 7094.
- [34] Makimenko V.E. Raboty Tacinskogo otrjada Azovo-Donskoj jekspedicii // Itogi issledovanij obedinjonnoj Azovo-Donskoj jekspedicii, Azovskogo kraevedcheskogo muzeja, Rostvskogo Ordena «Trudovogo Krasnogo znamenii» Gosudarstvennogo universiteta i Rostovskogo Ordena «Znak Pochjota» Gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta v 1976–1981 gg. Tezisy dokladov konferencii. Azov. 1981. S. 9–10.
- [35] Maksimenko V.E., Savchenko E.I. Otchjot o raskopkah sarmatskogo pogrebenija, obnaruzhennogo v Novoчеркасске // Arhiv IA RAN. R-1. № 4796.
- [36] Maksimenko V.E. Sarmaty na Donu (Arheologija i problemy jetniceskoj istorii). Drevnosti Dona. Vyp. 6 (otv. red.: V.B. Vinogradov). Azov. Azovskij kraevedcheskij muzej. 1988. 304 s.
- [37] Maksimenko V.E., Savchenko E.I. Rannesarmatskoe pogrebenie v Novoчеркасске // Za rekoj za Tanaisom: sbornik pamjati V.E. Maksimenko (red: V.A. Korenjako, A.L. Bojko). JuFU. Rostov-n/Donu. 2015. S. 64–70.
- [38] OAK. 1908 g. SPb. Tipografija Glavnogo Upravlenija udelov. 1912. 226 s.
- [39] Parusimov I.N. Raskopki kurganov mogil'nika Rjabichev // Trudy arheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo bjuro. Tom IV (otv. red.: A.V. Zaharov). Rostov-n/Donu. 2009. S. 32–71.

- [40] Piotrovskij B.B. Egipetskie predmety v Severo-Kavkazskom krae // *Kratkie soobshhenija GAIMK*. 1931. № 6. S. 28–31.
- [41] Popov H.I. Opisanija arheologicheskogo otdela Donskogo muzeja. Novoherkassk (b/g). 614 s.
- [42] Savel'ev E.P. Arheologicheskie ocherki Dona (Lekcii po kraevedeniju). Vyp. III. Novoherkassk. Izdanie Novoherkasskoj detkomissii. 1930. 16 s.
- [43] Semjonov A.I. Recenzija na: Katalog arheologicheskikh kollekcij. Muzej istorii Donskogo kazachestva (Sostaitel' B.A. Raev). Novoherkassk. 1979. S. 3–39, 33 tabl. // *SA*. 1982. № 4. S. 278–284.
- [44] Hodzhash S.I. Drevneegipetskie skarabei. Katalog pechatej i s karabeev iz muzeev Rossii, Ukrainy, Kavkaza i Pribaltiki. M «Vostochnaja literatura». 1999. 317 s., ill.
- [45] Shirman L.A. Kizitirinskij nekropol' (mogil'nik Kizitirinskogo gorodishha Donskogo okruga) // *Zapiski Sever-Kavkazskogo Kraevogo obshhestva arheologii, istorii i jetnografii*. Vypuski 3–4. Tom III. Kniga 1. Rostov-n/Donu. 1927. Ottel'nyj ottisk. S. 1–4.

Сведения об авторах:

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник отдела археологии Государственного бюджетного учреждения (ГБУ) «Институт истории и археологии РСО-А» (г. Владикавказ).

E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Гадалраб Сами Мансур Абдо – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира института истории и международных отношений ЮФУ.

E-mail: samymansour86@yahoo.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-3-289-293

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

История Испании.

**Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века /
Институт всеобщей истории РАН. М.: «Индрик», 2014. 872 с., ил.**

Ответственные редакторы тома:

О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик

А.Ю. Борзова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Ключевые слова: Испания, история, исследование, дипломатические отношения, Россия

В феврале 2017 г. исполнилось 40 лет с момента восстановления дипломатических отношений между Испанией и Россией. Отношения между двумя странами имеют давние и прочные традиции, несмотря на сложности и противоречия. Восстановление дипломатических отношений в 1977 г. привело в нашей стране к росту интереса к истории Испании, ее культуре, традициям, росту контактов с научными организациями и ведущими университетами двух стран, работе в архивах двух стран. Внимание российских испанистов привлекает и внешняя политика Испании [2], и деятельность российских дипломатов в этой стране [3], отдельные аспекты исследований испанских авторов [4]. Встречи историков России и Испании, реализация совместных проектов в гуманитарной сфере оказали положительное влияние на развитие российской исторической испанистики.

Важным шагом в развитии российской испанистики стало создание фундаментальной «Истории Испании», над которой работала группа ведущих испанистов из ИВИ РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, РГГУ, НИУ ВШЭ, МГЛУ, ИЛА РАН.

В 2012 г. вышел первый том «Истории Испании» (отв. ред. В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова), который включил в себя эпохи древности, Средних веков и раннего Нового времени.

В 2014 г. увидел свет второй том **Истории Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века** / Институт всеобщей истории РАН. – М., «Индрик», 2014. – 872 с. ил. Ответственные редакторы тома: О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик.

В первой главе этого издания представлено первое в России последовательное изложение истории Испании XVIII в., начало которого в Испании было связано со сменой династии Габсбургов на Бурбонов, когда на престоле оказался молодой Филипп V, внук короля Франции Людовика XIV [1. С. 23–42]. Сложные перипетии с престолонаследием привели к войне за испанское наследство, глобальному конфликту, охватившему всю Европу в 1701–1714 гг. В результате этого потрясения владения испанской монархии сократились, международный престиж был утрачен, имперское величие ушло в прошлое [1. С. 42–47]. И новая династия вступает на путь реформ, которые и составили сущность государственно-политической истории Испании XVIII в. Административные реформы в стране содействовали изменению системы государственного управления. Военная реформа, финансовые и налоговые преобразования содействовали хозяйственному подъему страны. В работе хорошо и полно показана противоречивость этого периода испанской истории, представлена «Просвещенная монархия» Карла III, экономические реформы и финансовые нововведения, стремление к интеллектуальному обновлению, отразившееся в работах испанских мыслителей этого периода [1. С. 57–77].

Авторы отмечают, что своеобразие и архаичность общественных и политических отношений, так называемый «старый порядок», оказался устойчивым и к военному кризису, и к либеральным реформам, и именно поэтому XIX в. становится временем новых испытаний для Испании. Черода политических переворотов, непоследовательные конституционные и общественно-экономические преобразования классифицировались современниками как «революция», поскольку подразумевали прежде всего государственный переворот. Авторы исследования обоснованно указывают, что «революционную репутацию» в классическом понимании можно сохранить только за тремя событиями этого века – войной за независимость 1808–1814 гг., когда страна была занята войсками Наполеона, периодом первой карлистской войны 1833–1840 гг. и «демократическим шестилетием» 1868–1874 гг., когда в Испании можно говорить о «выборной монархии» и федеративной республике [1. С. 201–230, 327–346].

Период Реставрации монархии, политические преобразования и экономическая ситуация в стране, особенности испанской промышленной революции, социальные проблемы нейтрализовали, но не устранили традиционные конфликты и не смогли предотвратить появления новых проблем.

Как отмечено авторами, стабилизация оказалась временным затишьем перед «катастрофой 1898 г.», когда в результате поражения в войне с США из-

за Кубы Испания лишилась последних заокеанских владений и превратилась во второразрядное европейское государство [1. С. 437–442].

В исследовании показано, как на протяжении всего XIX в. ослабевали позиции Испании в мировой политике, а сложная внутренняя ситуация, связанная с гражданским противостоянием, привела к тому, что европейские державы, прежде всего Франция и Великобритания, вмешивались в испанские дела.

Потеря почти всех заокеанских владений, революции и частая смена правительств, социально-экономические трудности привели к тому, что Испания оказывается на периферии мировой политики, а многочисленные внешнеполитические авантюры, связанные со стремлением Испании вернуть себе утраченные позиции, не принесли выгод для страны.

Испания в XX в., как показано в работе, устраняется от участия в первой и второй мировой войнах, но при этом страна испытала трагедию гражданского противостояния, глобального по своему влиянию на исторический процесс. Гражданская война 1936–1939 гг. оказывается одним из ключевых событий мировой истории XX в. благодаря двум обстоятельствам: интернационализации конфликта и глубине социальных преобразований этого периода [1. С. 487–517].

Авторы дают хронологию трагических событий гражданской войны, выявляют политические противоречия в рядах республиканцев, выявляют причины их поражения, рассматривают деятельность Коминтерна (Глава 3). В итоге прямое столкновение двух испанских режимов завершилось победой связанного с фашистскими державами франкизма. Подавление революционного импульса в Республике ослабило принципиальную альтернативность «двух Испаний» и поставило республиканцев в полную зависимость от внешнеполитических факторов [1. С. 563–572]. Блокада со стороны западноевропейских стран и вынужденное ослабление вмешательства СССР в конфликт, как справедливо отмечено в работе, обрекли испанцев на поражение.

Наряду с освещением процесса формирования франкистского государства в работе дан анализ идеологии франкизма, где наиболее важными течениями были католицизм и фашизм, а главным проводником была фаланга. Именно фаланга привнесла в идеологию франкизма идею, превратившую военное восстание в «национальную революцию» [1. С. 575–587].

Режим Ф. Франко, установленный в Испании в 1939 г., за почти сорок лет своего существования прошел долгий и сложный путь эволюции, с постепенным отходом от тоталитаризма и появлением идей «развития», экономической модернизации, поддержки среднего класса. Постепенное возрождение гражданского общества в стране создает условия для мирного перехода от франкизма к демократии, что нашло отражение в этом исследовании, где представлен анализ этого переходного периода, изучена политика правительства социалистов и деятельности Народной партии. Именно институт монархии

в лице Хуана Карлоса I содействовал процессу обновления страны, расширению ее присутствия на мировой арене. Испания быстро достигает значительного уровня развития демократических институтов, укрепляет новую коллективную идентичность в «государстве автономий», становится важным актором в международных отношениях, преодолевает сложную кризисную ситуацию [1. С. 622–635].

Несомненным достоинством этого тома является широкое освещение российско-испанских отношений во второй половине XIX в., и в сложный период гражданской войны, и после восстановления дипломатических отношений между двумя странами. Кроме того, в работе представлена культура Испании XIX в., культурная жизнь в условиях франкизма, серебряный век испанской культуры, а также культура современной Испании.

Это фундаментальное исследование внесло значительный вклад в развитие российской испанистики. Оно не только впервые представило полноценную картину испанской истории XVIII в., но и предложило новую периодизацию истории Испании XIX в., продемонстрировало новые подходы к осмыслению и пониманию сложных этапов развития Испании в XX–XXI вв.

Представленный второй том **Истории Испании. От войны за испанское наследство до начала XXI века** сопровождается хронологическим указателем, списком карт и именованным указателем, что облегчает работу исследователя. Обширная библиография (1. С. 767–817), включающая работы ведущих российских и испанских историков, политологов, философов, деятелей искусства и культуры, открывает возможности для дальнейшего изучения различных аспектов истории Испании, ее внутренней и внешней политики.

© Борзова А.Ю., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. М., «Индрик», 2014. 872 с., ил.
- [2] Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М.: Международные отношения, 2014. 504 с.
- [3] Российские дипломаты в Испании *Diplomaticos rusos en Espana. 1667–2017* / Отв. ред. О.В. Волосюк. М.: Международные отношения, 2016. 672 с., ил.
- [4] Борзова А.Ю. Изучение проблем европейской безопасности в работах испанских внешнеполитических центров // Вестник РУДН: Серия Международные отношения. М.: РУДН, 2011. № 4. С. 5–15.

REVIEW:

**History of Spain.
Volume 2. From the war for the Spanish inheritance
to the beginning of the XXI century / Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences. M.: “Indrik”, 2014. 872 p., ill.**

A.U. Borzova

Peoples' Friendship University of Russia
10a Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

Key words: Spain, history, research, diplomatic relations, Russia

REFERENCES

- [1] History of Spain. Volume 2. From the war for the Spanish inheritance to the beginning of the XXI century / Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. M., «Indrik», 2014. 872 p.
- [2] Anikeeva N.E, Vedushkin V.A, Volyusuk O.V, Mednikov I.Yu., Pozharskaya S.P. The History of Foreign Policy of Spain. M.: International Relations. 504 s.
- [3] Russian diplomats in Spain. Diplomaticos rusos en Espana. 1667–2017 / Red. O.V. Volosyuk. M.: International Relations. 2016. 672 p.
- [4] Borzova A.Yu. The study of the problems of European security in the work of Spanish foreign policy centers // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, series International Relations. M.: RUDN, 2011. No. 4. P. 5–15.

Сведения об авторе:

Борзова Алла Юрьевна – доктор исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

E-mail: bau845@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
